

СТЕФАНИ МАЙЕР

НОВОЛУНИЕ

Стефани Майер

Новолуние

Серия «Сумеречная сага», книга 2

Серия «Сумерки»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66877033

Стефани Майер Новолуние:
ISBN 978-5-17-136623-0

Аннотация

Любовь Беллы Свон к Эдварду Каллену больше жизни... Но она и может стоять девушке жизни. Белле постоянно грозит опасность. Даже некоторые представители клана Каллен могут напасть на нее – что уж говорить о вампирах из других семей? И о грозных правителях «ночных охотников» – безжалостном древнем клане Вольтури, по закону которых любой смертный, узнавший о вампирах, должен быть убит или обращен... Чтобы спасти любимую, Эдвард принимает тяжелое решение – покинуть ее. Разлука наверняка убьет его – но будет жить Белла. Будет жить, даже если забудет его и достанется ненавистному сопернику – Джейкобу Блэку из племени оборотней...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	40
Глава 3	66
Октябрь	102
Ноябрь	103
Декабрь	104
Январь	105
Глава 4	106
Глава 5	135
Глава 6	155
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Стефани Майер

Новолуние

Stephenie Meyer

NEW MOON

Перевод с английского С. Алукард

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Стефани Майер: Возвращение»

© Stephenie Meyer, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Моему отцу Стивену Моргану: никто и никогда не получал столько заботы и безоговорочной поддержки, сколько давал и оказывал мне ты.

Я тоже тебя люблю.

*Насильственным страстям – насильственный
конец:*

*В их торжестве – им смерть; они сгорают,
Как порох и огонь, в лобзаны¹.*

У. Шекспир «Ромео и Джульетта», акт 2, сцена 6

¹ Перевод А. А. Григорьева. – Примеч. пер.

Пролог

Я чувствовала себя так, словно увязла в одном из жутких кошмаров, когда нужно бежать, мчаться, пока не разорвутся легкие, но невозможно заставить тело двигаться достаточно быстро. Казалось, мои ноги переступали все медленнее, пока я продиралась сквозь равнодушную толпу, но стрелки огромных башенных часов не замедляли своего хода. С безжалостной и бездушной силой они неумолимо двигались к концу – концу всего.

Но это был не сон, и, в отличие от кошмара, я спасала не *свою* жизнь. Я мчалась, чтобы сохранить нечто куда более драгоценное. Сегодня моя собственная жизнь мало что для меня значила.

Элис говорила о большой вероятности того, что мы обе можем здесь погибнуть. Возможно, исход был бы иным, если бы она не попала в ловушку яркого солнечного света. Только мне позволялось бежать через залитую солнцем, полную людей площадь. Но быстро бежать я не могла.

Так что мне было неважно, что мы оказались окружены чрезвычайно опасными врагами. Когда часы начали отбивать время, своим звоном отдаваясь в ступнях моих еще двигавшихся ног, я поняла, что опоздала. И радовалась тому, что нечто кровожадное ждало где-то сбоку. Ибо, потерпев неудачу, я лишилась желания жить.

Часы пробили еще раз... Солнце, стоявшее в самом зените, ярко светило.

Глава 1

Вечеринка

Я была на 99,9 процента уверена, что мне снится сон. Причины моей уверенности заключались в том, что, во-первых, я стояла в ярком столбе солнечного света – ослепительно-яркого, какого никогда не бывает в моем заливаемом дождями городке Форкс, штат Вашингтон. А во-вторых, я смотрела на бабушку Мэри. Бабуля уже шесть лет как умерла, и это четко подтверждало версию сна.

Она почти не изменилась: лицо ее было таким, каким я его запомнила. Мягкая, иссохшая кожа, испещренная маской крохотных морщинок, плавно обтягивающая кости лица. Она походила на высохший абрикос, но только с копной пышных седых волос, обрамлявших голову, словно облако.

Наши губы – только ее с умудренным жизнью лукавством – почти одновременно растянулись в одинаковой полуулыбке. Она явно также не ожидала меня увидеть. Я хотела задать ей вопрос. Их у меня оказалось много. Что она делает в моем сне? Чем она занималась в последние шесть лет? В порядке ли дедушка и нашли ли они друг друга? Но она открыла рот одновременно со мной, так что я умолкла, чтобы дать ей сказать первой. Она тоже замешкалась, и мы обе улыбнулись этой заминке.

– Белла?

Позвала меня не бабушка, и мы обе повернулись, чтобы посмотреть, кто еще присоединился к нашему небольшому семейному междусобойчику. Мне не надо было поднимать глаза, чтобы узнать, кто это. Этот голос я узнала бы везде – узнала бы и откликнулась, во сне или наяву... или даже на том свете. Голос, ради которого я прошла бы сквозь огонь – или, более прозаично, каждый день шлепала бы под холодным и нескончаемым дождем.

Эдвард... Хотя при виде его я всегда испытывала восторг, осознанный или нет, и была *почти* уверена, что это сон, я запаниковала, когда Эдвард направился к нам, освещенный ярким солнечным светом. Бабуля не знала, что я влюблена в вампира – этого никто не знал, – и как мне тогда объяснять тот факт, что сверкающие солнечные лучики отражались от его кожи тысячами радужных осколков, словно он состоял из кристаллов или алмазов?

Ну, бабуль, ты, наверное, заметила, что мой бойфренд блестит. На солнце с ним такое случается. Так что не волнуйся...

Что же он делает? Ведь единственная причина, по которой он жил в Форксе, самом дождливом месте в мире, заключалась в том, что здесь он мог выходить на улицу днем, не выдавая при этом свою семейную тайну. Но сейчас он приближался ко мне с очаровательной улыбкой на ангельском лице, словно я была одна.

В ту секунду я пожалела, что стала исключением для его загадочного дара. Обычно я благодарила судьбу за то, что была единственным человеком, чьи мысли он не читал с такой легкостью, словно их произносили вслух. Однако сейчас мне очень хотелось, чтобы он меня услышал, услышал предостережение, которое я буквально выкрикивала – внутренним голосом.

Бросив на бабушку испуганный взгляд, я поняла, что опоздала. Она уже поворачивалась, чтобы посмотреть на меня, и в ее глазах читалась такая же тревога, как и в моих.

Эдвард – все с той же чудесной улыбкой, от которой мое сердце было готово вырваться из груди, – обнял меня за плечи и повернулся к бабуле. Выражение ее лица изумило меня. Вместо ужаса она смотрела на меня с такой покорностью, будто ждала, что ее отругают. И стояла она в очень странной позе: одна рука неуклюже отведена от тела, вытянута и немного загнута. Словно она обнимала кого-то невидимо-го...

Тут я заметила окружавшую бабушку большую позолоченную раму. Ничего не понимая, я подняла свободную руку – ту, которой не обнимала Эдварда за талию, и вытянула ее вперед, чтобы коснуться бабули. Она в точности повторила это движение, словно в зеркале. Но там, где должны были соприкоснуться наши пальцы, оказалось лишь холодное стекло...

После головокружительного удара мой сон внезапно пре-

вратился в кошмар. Не было никакой бабушки. В зеркале оказалась я – древняя старуха, ссохшаяся и морщинистая. Рядом со мной стоял Эдвард, не отражавшийся в зеркале, нестерпимо красивый и навсегда семнадцатилетний. Он прижался ледяными, изящными до совершенства губами к моей впалой щеке.

– С днем рождения, – прошептал он.

Я вздрогнула и проснулась. Открыв глаза, я ахнула: ослепительное солнце, которое я видела во сне, сменилось мутным серым светом, знакомым светом туманного утра. *Это сон*, сказала я себе. *Всего лишь сон*. Я сделала глубокий вдох и снова вздрогнула, когда зазвонил будильник. Календарь в углу дисплея сообщил мне, что сегодня тринадцатое сентября.

Это был всего лишь сон, но в какой-то степени вещий. Сегодня мой день рождения. Мне официально исполнилось восемнадцать лет.

Многие месяцы я со страхом ждала этого дня. Все дивное лето, самое счастливое лето в моей жизни, самое счастливое лето в жизни *любого* человека и самое дождливое лето в истории полуострова Олимпик этот унылый день таился в засаде, ожидая своего часа. И теперь, когда он настал, все оказалось даже хуже, чем я думала. Я физически чувствовала, что стала старше. Я каждый день становилась старше, но как-то по-иному, ощутимо. Вот мне и восемнадцать. А Эдварду

никогда столько не исполнится.

Я пошла чистить зубы и, взглянув в зеркало, немного удивилась тому, что лицо в нем не изменилось. Я разглядывала себя, выискивая хоть какие-то признаки морщинок на своей белой с кремовым оттенком коже. Единственным их подобием оказались линии на лбу, и я знала, что если мне удастся расслабиться, то они исчезнут. Но расслабиться я не смогла. Брови озабоченно сомкнулись над беспокойно сверкавшими карими глазами.

Это всего лишь сон, снова напомнила я самой себе. Всего лишь сон... но еще это мой самый жуткий кошмар.

Завтракать я не стала, торопясь поскорее выскользнуть из дома. Но встречи с папой избежать все-таки не удалось, так что несколько минут мне пришлось изображать радость. Я честно пыталась восхищаться подарками, которые просила его мне *не дарить*, но каждый раз, пытаясь улыбнуться, изо всех сил старалась не расплакаться.

По дороге в школу я попробовала взять себя в руки. Мне нелегко было прогнать стоявший перед глазами образ бабушки. Я не хотела воспринимать его как свое собственное отражение и ощущала лишь отчаяние, пока не оказалась на знакомой стоянке за зданием средней школы и не заметила Эдварда, который неподвижно стоял, прислонившись к своему блестящему серебристому «Вольво», словно мраморная статуя какого-то забытого языческого бога красоты. Он ждал *меня* — так же, как и раньше. Отчаяние моментально исчез-

ло, сменившись удивлением. Даже после шести месяцев наших отношений я все никак не могла поверить в то, что заслужила такую милость судьбы.

Его сестра Элис стояла рядом и тоже ждала меня. На самом деле Эдвард и Элис не были родственниками (в Форксе царило убеждение, что все Каллены-младшие являлись приемными детьми доктора Карлайла Каллена и его жены Эсми, слишком молодых, чтобы иметь детей-подростков), но отличались одинаково бледной кожей, необычным золотистым оттенком цвета глаз и синими кругами под ними. Лицо у Элис, как и у Эдварда, было изумительно красивым. Для людей знающих – вроде меня – эти схожие черты указывали на то, кем они были на самом деле.

Вид поджидавшей меня Элис – со сверкающими от радостного возбуждения желтоватыми глазами и квадратным серебристым свертком в руках – заставил меня нахмуриться. Я же говорила ей, что не нужно ничего – вообще ничего – дарить мне на день рождения. Очевидно, на мои просьбы и пожелания не обратили никакого внимания. Я захлопнула дверь своего пикапа «Шевроле» 1953 года – на мокрый асфальт посыпалась ржавчина – и медленно направилась к ним. Элис вприпрыжку бросилась ко мне. Ее по-детски кукольное личико светилось от радости под жесткими черными волосами.

– С днем рождения, Белла!

– Тсс! – прошипела я, оглядываясь по сторонам, чтобы

убедиться, что ее никто не слышал. Только торжеств мне не хватало в этот черный день.

Элис не обратила на мое предупреждение никакого внимания.

– Хочешь сейчас открыть подарок или попозже? – нетерпеливо спросила она, пока мы шли туда, где нас ждал Эдвард.

– Никаких подарков, – протестующе пробормотала я.

Похоже, она наконец заметила мое настроение.

– Ну, ладно... тогда попозже. Тебе понравился альбом для фотографий, который тебе прислала мама? А камера от Чарли?

Я вздохнула. Конечно же, она знала, что мне подарили на день рождения. Эдвард не единственный в семействе обладал необычным даром. Элис «увидела», что затевают мои родители, едва они об этом подумали.

– Да, очень классно.

– А *по-моему*, прекрасная мысль. В выпускной класс переходишь один раз в жизни. Можно все это запечатлеть для потомков.

– А сколько раз *ты* переходила в выпускной класс?

– Это совсем другая история.

Мы подошли к Эдварду, и он протянул мне руку. Я с радостью пожала ее, на мгновение забыв о своем мрачном настроении. Кожа у него, как всегда, была гладкой, непроницаемой и очень холодной. Он легонько сдвинул мои пальцы.

Я посмотрела в его темно-желтые глаза, и сердце у меня екнуло. Почувствовав это, он снова улыбнулся, поднял другую руку и провел холодным пальцем по контуру моих губ, сказав при этом:

– Как и договорились, мне не следует поздравлять тебя с днем рождения, верно?

– Да, верно. – Мне никогда не удавалось точно воспроизвести его ясное, четкое произношение и интонацию. Этому, наверное, могли научить только много лет назад.

– Просто хотел еще раз убедиться. – Он провел рукой по взъерошенным золотисто-каштановым волосам. – Ты ведь могла и передумать. Большинство людей, похоже, обожают все эти штучки с днями рождения и подарками.

Элис рассмеялась звонким, серебристым смехом, прозвучавшим как трель колокольчиков.

– Конечно же, тебе очень понравится. Сегодня все должны тебя поздравлять и исполнять все твои желания. Что же плохого может случиться? – спросила она, словно задавая риторический вопрос.

– Старение, – наконец ответила я, произнеся это слово не таким ровным тоном, как мне бы хотелось.

Эдвард поджал губы.

– Восемнадцать – это еще не старение, – заметила Элис. – Разве женщины обычно не ждут двадцати девяти, чтобы начать переживать насчет дней рождения?

– Я уже старше Эдварда, – пробормотала я.

– Чисто формально, – ответила она непринужденным тоном. – Да и то всего лишь на год.

И тут я подумала... если бы я могла быть *уверена* в том, что меня ждет будущее, о котором я мечтаю, уверена, что проведу вечность с Эдвардом, Элис и остальными Калленами (предпочтительно не как маленькая иссохшая старушка)... тогда плюс-минус годик-другой не значили для меня так уж много. Но Эдвард буквально в штыки воспринимал любое будущее, которое бы меня меняло. Любое будущее, которое уравнило бы меня с ним и тоже сделало бессмертной. Он называл это тупиком.

Если честно, я не очень понимала Эдварда. Что хорошего в том, чтобы быть смертным? А быть вампиром не так и ужасно – по крайней мере, если судить по жизни Калленов.

– Во сколько ты у нас появишься? – сменила тему Элис. По ее лицу я поняла, что она настроилась именно на то, чего я надеялась избежать.

– А я и не знала, что должна там появиться.

– Ой, да ладно тебе, Белла! – надулась она. – Ты же не хочешь испортить нам все веселье, а?

– Я думала, что в свой день рождения смогу делать то, что захочу.

– Я привезу ее от Чарли сразу после школы, – сказал сестре Эдвард, совершенно не обращая на меня внимания.

– Мне надо на работу, – запротестовала я.

– Вообще-то не надо, – надменно произнесла Элис. – Я

уже поговорила об этом с миссис Ньютон. Она поставит тебя в другую смену. Просила поздравить тебя с днем рождения.

– Я... я не смогу приехать, – выдавила я, ища какую-нибудь отговорку. – Я, ну, еще не посмотрела для занятий «Ромео и Джульетту».

– Да ты «Ромео и Джульетту» наизусть знаешь, – фыркнула Элис.

– А вот мистер Берти сказал, что нам нужно посмотреть постановку, чтобы полностью понять и оценить, как все это намеревался преподнести Шекспир.

Эдвард закатил глаза.

– Ты ведь уже посмотрела фильм, – с упреком в голосе произнесла Элис.

– Но не экранизацию шестидесятых годов прошлого века. Мистер Берти считает, что она самая лучшая.

Элис наконец сбросила надменную улыбку и злобно уставилась на меня.

– Может, это легко, а может, и тяжело, Белла, но как-нибудь...

Эдвард оборвал ее угрозы.

– Да перестань ты, Элис. Если Белла хочет посмотреть фильм, пусть смотрит. Это же ее день рождения.

– Вот так-то, – добавила я.

– Я привезу ее часов в семь, – продолжил он. – Так что у тебя будет больше времени на подготовку.

Элис снова звонко рассмеялась.

— Ну, хорошо. До вечера, Белла! Тебе понравится, вот увидишь. — Она широко улыбнулась, обнажив ровные блестящие зубки, потом чмокнула меня в щеку и, не успевшая и рта раскрыть, танцующей походкой отправилась на первый урок.

— Эдвард, пожалуйста... — взмолилась я, но он приложил к моим губам холодный палец.

— Обсудим позже. На занятия опоздаем.

Никто не удостоил нас любопытным взглядом, когда мы, как обычно, устроились на заднем ряду в классе (теперь мы почти на всех уроках сидели вместе — просто поразительно, как Эдвард умел добиваться снисхождения у женской части администрации школы). Мы с ним слишком долго были вместе, чтобы являть собой предмет сплетен. Даже Майк Ньютон теперь не достаивал меня высокомерных взглядов, от которых раньше я чувствовала себя слегка виноватой. Он стал улыбаться, и я радовалась тому, что он, кажется, смирился с тем, что мы можем быть лишь друзьями. За лето Майк повзрослел: лицо его утратило прежнюю пухлость, обозначились выступающие скулы, да и прическу он изменил. Вместо колючего ежика отпустил волосы и гелем приводил белокурые пряди в «художественный беспорядок». Нетрудно было заметить, откуда он черпал вдохновение, но на Эдварда нельзя стать похожим с помощью простой имитации.

Пока тянулся день, я обдумывала способы как-то увильнуть от всего, что в этот вечер собирались устроить в доме

Калленов. И так тяжело праздновать, когда настроение больше подходит для скорби. Но хуже всего, что там не удастся обойтись без внимания и подарков.

Внимание – это всегда плохо, с этим согласится любой невезучий недотепа. Никому не хочется светиться, когда вот-вот рухнешь лицом вниз.

К тому же я очень просила – вообще-то даже требовала, – чтобы в этом году мне никто не дарил подарки. Похоже, Чарли и Рене оказались не единственными, кто решил проигнорировать мои просьбы.

У меня никогда не было много денег, и это меня раньше не беспокоило. Рене растила меня на зарплату воспитательницы в детском саду. Чарли на работе тоже деньги лопатой не греб – он был начальником полиции в небольшом городке Форкс. Мой личный доход состоял из зарплаты, которую я получала, работая три дня в неделю в местном спортивном магазине. Мне просто повезло, что я нашла работу в таком небольшом городке. Все заработанные мною деньги я откладывала на колледж. (Колледж был планом Б. Я все еще надеялась на реализацию плана А, но Эдвард прямо-таки уперся, настаивая, чтобы я осталась человеком...)

У Эдварда была куча денег – мне даже думать не хотелось, сколько именно. Для него и остальных членов семейства Калленов деньги ничего не значили. Они воспринимались как нечто само собой разумеющееся, что неудивительно, если у тебя есть ничем не ограниченное время и сест-

ра, обладающая сверхъестественной способностью предугадывать капризы фондового рынка. Эдвард, похоже, не понимал, почему я возражаю против того, чтобы он тратил на меня деньги, или почему мне стало не по себе, когда он повел меня в дорогой ресторан в Сиэтле, почему я не разрешила ему купить мне машину, развивавшую скорость больше восьмидесяти километров в час, или почему не позволила оплатить мое обучение в колледже (он до смешного серьезно воспринял план Б). Эдвард считал, что я создаю себе и другим ненужные трудности.

Но как я могла позволить ему давать и дарить мне то, на что я не смогла бы ответить тем же? Он по какой-то непостижимой причине хотел быть со мной. Все, что он давал мне сверх этого, лишь выводило нас обоих из равновесия.

День шел своим чередом, ни Эдвард, ни Элис больше не заговаривали со мной о дне рождения, и я начала немного успокаиваться.

Мы сели обедать за свой обычный стол, за которым царил странный неписанный порядок. Мы трое – Эдвард, Элис и я – сидели на его южном конце. Теперь, когда внушающие страх «старшие» (что, разумеется, относится к Эмметту) отпрыски семейства Каллен уже окончили школу, Эдвард и Элис не производили такое уж пугающее впечатление, и мы не сидели за столом в одиночестве. Остальные мои друзья, Майк и Джессика (переживавшие неловкий этап дружбы после расставания), Анджела и Бен (чьи отношения успеш-

но пережили лето), Эрик, Коннер, Тайлер и Лорен (хотя последняя не полностью соответствовала категории подруги) сидели за тем же столом по другую сторону невидимой черты. Черта эта исчезала в солнечные дни, когда Эдвард и Элис пропускали школу, и тогда за столом шли непринужденные разговоры, в которых участвовала и я.

Эдвард и Элис воспринимали этот своеобразный бойкот не так болезненно, как отнеслась бы к нему я. Они едва его замечали. Люди всегда странным образом чувствовали себя не в своей тарелке рядом с Калленами, они почти боялись их по какой-то причине, которую не могли объяснить самим себе. Я стала редким исключением из этого правила. Иногда Эдвард беспокоился из-за того, что я так легко чувствовала себя рядом с ним. Он считал, что это опасно для моего здоровья, а я всегда решительно возражала, когда он об этом заговаривал.

День бежал быстро. Уроки закончились, и Эдвард, как обычно, проводил меня до машины. Но на этот раз он открыл мне пассажирскую дверь. Элис, наверное, уехала домой в его машине, чтобы я не могла сбежать.

Пошел дождь. Я сложила руки на груди и не шелохнулась, чтобы укрыться от него.

– Сегодня мой день рождения, так что можно я поведу?

– Я делаю вид, что нет никакого дня рождения, как ты и хотела.

– Значит, если нет никакого дня рождения, то мне сегодня

не надо ехать к тебе домой...

— Ну ладно. — Он захлопнул пассажирскую дверь и прошел мимо меня, чтобы открыть водительскую. — С днем рождения.

— Тсс, — неуверенно шикнула я на него и залезла на сиденье, жалея, что он не принял другое предложение.

Пока я вела машину, Эдвард возился с радио, недовольно покачивая головой.

— У твоего аппарата просто ужасный прием.

Я нахмурилась. Мне не нравилось, когда он критиковал мой пикап. Пикап — просто класс, в нем было что-то неповторимое.

— Хочешь хорошую стереосистему? Тогда езди на своей. — Я так нервничала из-за планов Элис, которые лишь усугубили мое мрачное настроение, что эти слова прозвучали резче, чем мне хотелось. Я почти никогда не сердилась на Эдварда, и от моих слов он лишь крепче сжал губы, чтобы не расплыться в улыбке.

Когда я припарковалась у дома Чарли, он потянулся и обхватил мое лицо ладонями. Он держал его очень нежно, едва касаясь кончиками пальцев моих висков, скул и подбородка. Словно я была очень хрупкой. Что было правдой — по крайней мере, по сравнению с ним.

— Сегодня у тебя должно быть самое лучшее настроение, — прошептал он. Его дивное дыхание коснулось моего лица.

— А если мне не хочется быть в хорошем настроении? —

спросила я, неровно дыша.

Его золотистые глаза вспыхнули.

– Тогда плохо.

Моя голова уже шла кругом, когда он наклонился и прижался ледяными губами к моему рту. Как он, несомненно, и предполагал, я забыла обо всех своих волнениях, сосредоточившись на том, чтобы не забыть дышать. Его губы задержались у моих, холодные, гладкие и нежные, я обвила руками его шею и слишком уж поспешно ринулась навстречу его поцелую. Я чувствовала, как его губы изогнулись кверху, когда он отпустил мое лицо и потянулся себе за спину, чтобы разомкнуть мои объятия.

Эдвард множество раз очерчивал границы наших физических взаимоотношений с единственным намерением оставить меня в живых. Я сознавала необходимость соблюдать безопасную дистанцию между своей кожей и его острыми, как бритвы, пропитанными ядом зубами, и все же старалась забыть о подобных предосторожностях, когда он меня целовал.

– Прошу тебя, будь паинькой, – прошептал он, прижавшись к моей щеке. Он еще раз нежно поцеловал меня в губы и отстранился, притянув мои руки к животу.

Сердце стучало у меня в ушах. Я приложила руку к груди. Сердце трепыхалось под ладонью.

– Думаешь, у меня это когда-нибудь пройдет? – задумчиво спросила я, обращаясь больше к самой себе. – Мое сердце

перестанет пытаться выпрыгнуть из груди от твоих прикосновений?

– Весьма надеюсь, что нет, – немного чопорно ответил он. Я закатила глаза.

– Пойдем посмотрим, как враждуют Монтекки и Капулетти, а?

– Как скажешь.

Эдвард растянулся на диване, пока я включала фильм, проматывая начальные титры. Когда я устроилась на краешке дивана, он обнял меня за талию и притянул к своей груди. На ней было не так удобно лежать, как на диванной подушке, потому что она была твердой и холодной, как у ледяной скульптуры, но для меня это не имело значения. Он стянул со спинки дивана старенькое шерстяное покрывало и укрыл меня, чтобы я не замерзла рядом с его телом.

– Знаешь, я вообще-то терпеть не могу Ромео, – заметил он, когда начался фильм.

– Чем это Ромео тебе не угодил? – немного уязвленно спросила я. Ромео был одним из моих любимых литературных персонажей. Пока я не встретила Эдварда, у меня был на нем «пунктик».

– Ну, начнем с того, что он влюблен в Розалину. Тебе не кажется, что это делает его ветреным? А потом, через несколько минут после свадьбы он убивает двоюродного брата Джульетты. Не очень-то умно. Ошибка на ошибке. Разве он мог не разрушить собственное счастье?

– Хочешь, чтобы я одна это смотрела? – вздохнула я.

– Нет. Я ведь все равно стану смотреть на тебя. – Его пальцы чертили узоры у меня на руке, отчего та покрывалась гусяной кожей. – Расплачешься?

– Наверное, – призналась я, – если стану смотреть внимательно.

– Тогда не буду отвлекать.

Но я чувствовала, как он касается губами моих волос, и это очень меня отвлекало.

Фильм, в конечном итоге, захватил меня, по большей части благодаря тому, что Эдвард шептал мне на ухо реплики Ромео. По сравнению с его чарующим бархатным голосом голос актера звучал слабо и хрипло. И, к его изумлению, я все-таки расплакалась, когда Джульетта очнулась и увидела своего новоиспеченного мужа мертвым.

– Надо признаться, что вот тут я ему почти завидую, – произнес Эдвард, вытирая слезы прядью моих волос.

– Она очень красивая.

Он с отвращением фыркнул.

– Завидую не из-за девушки, а той легкости, с которой он совершил самоубийство, – пояснил он, чуть поддразнивая меня. – У вас, людей, это так легко получается. Всего-то и нужно, что проглотить крохотный пузырек травяного отвара...

– Что? – ахнула я.

– Однажды мне пришлось над этим задуматься, и по опы-

ту Карлайла я знал, что будет нелегко. Я даже не уверен, сколькими именно способами Карлайл пытался покончить с собой... после того, как узнал, в кого превратился. — Его голос, сделавшийся было серьезным, вновь стал непринужденным. — А здоровье у него до сих пор прекрасное.

Я повернулась, чтобы увидеть выражение его лица.

— Что ты такое говоришь? — удивленно спросила я. — И что это значит — тебе однажды пришлось над этим задуматься?

— Прошлой весной, когда ты... едва не погибла... — Он умолк, сделал глубокий вдох и снова стал меня подначивать. — Конечно, я хотел верить, что найду тебя живой, но в глубине души строил планы на крайний случай. Я уже сказал, для меня это не так легко, как для человека.

На меня нахлынули воспоминания о последней поездке в Финикс, отчего на мгновение у меня закружилась голова. Я очень ясно все себе представила — ослепительно яркое солнце, пышущий жаром бетон и то, как я в отчаянии металась, пытаюсь найти вампира-садиста, пытавшегося замучить меня до смерти. Джеймса, поджидавшего в зеркальной комнате с моей матерью, взятой в заложники, — или так мне казалось. Я не знала, что это ловушка. Так же, как и Джеймс не знал, что Эдвард мчался мне на помощь. Эдвард успел вовремя, но еще немного — и он бы опоздал. Мои пальцы машинально коснулись шрама в форме полумесяца на руке, который всегда был чуточку холоднее, чем остальная кожа.

Я тряхнула головой, желая отделаться от дурных воспо-

минаний, и попыталась понять, что же Эдвард имел в виду. Желудок болезненно сжался.

– Планы на крайний случай? – повторила я.

– Ну, я не собирался жить без тебя. – Он закатил глаза, словно говорил очевидные даже ребенку вещи. – Но я не был уверен, как именно это проделать, и знал, что от Эмметта и Джаспера помощи не жди... Поэтому решил отправиться в Италию и сделать что-нибудь, чтобы спровоцировать Вольтури...

– Что еще за Вольтури?

– Вольтури – это клан, – объяснил он, все еще глядя куда-то вдаль. – Очень древний и могущественный клан таких, как мы. Думаю, что в нашем мире они вроде августейшей семьи. В самом начале Карлайл недолго жил у них в Италии – до того, как обосновался в Америке. Помнишь эту историю?

– Конечно, помню.

Я никогда не забуду, как в первый раз оказалась у него дома, в большом белом особняке, спрятавшемся в лесной чаще на берегу реки, в зале, где у Карлайла – во многих смыслах отца Эдварда – целая стена была отведена под описание его жизненного пути. Самый яркий и красочный холст относился к его жизни в Италии. Разумеется, я запомнила четырех неподвижных мужчин с изящными лицами серафимов, изображенных стоящими на балконе, которые возвышались высоко над буйным пиршеством красок. Хотя картине было несколько столетий, Карлайл, похожий на белокуро-

го ангела, ничуть не изменился. Запомнила я и трех других спутников Карлайла из давних времен. Эдвард никогда не использовал слово «вольтури» для описания этого прекрасного трио – двух черноволосых мужчин и одного со снежно-белыми волосами. Он называл этих ночных покровителей искусств Аро, Каем и Марком...

– В любом случае, Вольтури не стоит раздражать, – продолжал Эдвард, выводя меня из задумчивости. – Если только не хочешь умереть – или как там у нас это бывает. – Голос его звучал так спокойно, словно ему становилось скучно от одной мысли об этом.

Моя злость сменилась ужасом. Я обхватила его мраморное лицо руками и крепко сжала.

– Ты никогда не должен думать ни о чем подобном! – сказала я. – Что бы со мной ни случилось, ты не можешь причинить себе боль!

– Я никогда больше не подвергну тебя опасности, так что это спорный вопрос.

– *Подвергнешь* меня опасности! По-моему, мы уже решили, что все беды – по моей вине! – разозлилась я еще больше. – Как ты вообще смеешь так думать? – Сама мысль о том, что Эдвард перестанет существовать, даже если я умру, была мне невыносима.

– А что бы ты делала, если бы мы поменялись ролями? – спросил он.

– Это не одно и то же.

Он, кажется, не понял разницы и хмыкнул.

– А что, если бы с тобой что-то случилось? – При одной мысли об этом я побледнела. – Ты бы хотел, чтобы я сама оборвала свою жизнь?

Его красивое лицо исказила гримаса боли.

– Похоже, я понимаю, о чем ты... немного, – признался он. – Но что бы я делал без тебя?

– Все, что ты делал до того, как я появилась и усложнила твое существование.

– Как же у тебя все легко, – вздохнул он.

– Так и должно быть. Не такая уж я интересная.

Эдвард собрался возразить, но передумал.

– Спорный вопрос, – напомнил он мне. Потом вдруг сел, приняв более скромную позу и сдвинув меня чуть вбок, чтобы наши тела не соприкасались.

– Чарли? – догадалась я.

Он улыбнулся. Через мгновение я услышала, как во двор въезжает полицейская машина. Протянув руку, я крепко сжала ладонь Эдварда. Это папа вполне перенесет.

Вошел Чарли с пиццей в руках.

– Привет, ребята! – Он широко мне улыбнулся. – Подумал, что в день рождения тебе следует отдохнуть от готовки и мытья посуды. Есть хочешь?

– Конечно. Спасибо, пап.

Чарли никак не прокомментировал явное отсутствие аппетита у Эдварда. Он привык к тому, что тот всегда отказы-

вается от ужина.

– Не возражаете, если я украду у вас Беллу сегодня вечером? – спросил Эдвард, когда мы с Чарли закончили свой диалог.

Я с надеждой посмотрела на отца. Может, у него свои понятия о праздновании дня рождения? Ну, что это семейное торжество, поэтому отмечать его нужно дома? А ведь это мой первый день рождения после переезда к нему, первый праздник с тех пор, как Рене, моя мама, во второй раз вышла замуж и уехала во Флориду, поэтому я не знала, чего он от меня ждет.

– Ладно. Сегодня играют «Маринерс» с «Сокс», – объяснил Чарли, и надежды мои растаяли. – Так что компаньон из меня никакой... Вот. – Он достал фотоаппарат, который купил по совету Рене (чтобы я могла заполнить альбом какими-нибудь фотками) и бросил его мне.

Вот тут он совершил промах: я не очень-то дружила с координацией. Фотоаппарат ударился о мои пальцы и полетел на пол. Эдвард подхватил его, прежде чем тот успел упасть на линолеум.

– Классно взял, – заметил Чарли. – Если сегодня у Калленов произойдет что-нибудь забавное, Белла, тебе надо это заснять. Ты же знаешь маму: ей захочется увидеть фотографии раньше, чем ты успеешь их сделать.

– Хорошая мысль, Чарли, – отозвался Эдвард, протягивая мне фотоаппарат.

Я направила объектив на Эдварда и сделала первый снимок.

– Все работает.

– Вот и хорошо. Да, передай привет Элис. Что-то давненько она у нас не появлялась. – Чарли чуть скривил губы.

– Три дня всего, пап, – напомнила я.

Чарли был без ума от Элис. Он привязался к ней прошлой весной, когда та ухаживала за мной после моей болезни. Чарли остался ей навеки благодарен за то, что она избавила его от неловкости помогать почти взрослой дочери принимать душ.

– Я передам.

– Ну ладно, ребята, веселитесь. – Чарли явно намекал, чтобы мы уходили, и уже начал осторожно двигаться в сторону гостиной и телевизора.

Эдвард торжествующе улыбнулся и взял меня за руку, собираясь увести с кухни.

Когда мы подошли к пикапу, он снова открыл мне пассажирскую дверь, но на этот раз я с ним не спорила. Я все еще не научилась находить в темноте незаметный поворот к их дому.

Эдвард вел машину через Форкс на север, не скрывая раздражения из-за встроенного ограничителя скорости в мой доисторический «шеви». Мотор ревел даже громче обычного, когда спидометр показывал больше семидесяти в час.

– Не обращай внимания, – постаралась я его успокоить.

– Знаешь, что бы тебе очень понравилось? Небольшое «Ауди»-купе. Очень тихий, с мощным двигателем...

– С моим пикапом все в порядке. И, если уж зашла речь о дорогих безделушках, хорошо, что ты не тратился на подарки ко дню рождения.

– Ни цента не истратил, – скромно согласился он.

– Вот и отлично.

– Можешь сделать мне одолжение?

– Смотря какое.

Он вздохнул, и его красивое лицо посерьезнело.

– Белла, последний настоящий день рождения, который все мы праздновали, – был день рождения Эмметта в 1935 году. Сделай нам сегодня одолжение и веди себя естественно. Они все так волнуются.

Меня всегда немного удивляло, когда он заговаривал о подобных вещах.

– Ладно, договорились.

– Мне, наверное, стоит тебя предупредить...

– Да уж, пожалуйста.

– Когда я сказал, что все волнуются... я имел в виду, что именно *все*.

– Все? – прохрипела я. – А я думала, что Эмметт с Розали в Африке.

Жители Форкса считали, что старшие отпрыски Калленов в этом году отправились в колледж в Дартмуте, но я знала больше других.

– Эмметт захотел приехать.

– Но... Розали?

– Я знаю, Белла. Не волнуйся, она будет вести себя тихо.

Я ничего не ответила. Как будто я могла вот так просто не волноваться! В отличие от Элис, вторая «приемная» сестра Эдварда, золотоволосая и хрупкая Розали, не очень-то меня жаловала. На самом деле она испытывала ко мне нечто большее, чем неприязнь. С точки зрения Розали, я была незваным гостем, вторгшимся в тайную жизнь ее семейства. И я ощущала вину, догадываясь, что именно мне Розали и Эмметт были обязаны своим долгим отсутствием. Но даже если я втайне и радовалась тому, что могу с ней не видеться, мне очень не хватало веселого увальня Эмметта. Во многих смыслах он был мне как старший брат, которого у меня никогда не было... только внушал куда больший страх.

Эдвард решил сменить тему.

– Если ты не разрешаешь мне подарить тебе «Ауди», может, ты хочешь на день рождения что-нибудь еще?

Я ответила шепотом:

– Ты знаешь, чего я хочу.

Мраморно-гладкий лоб Эдварда прорезала глубокая морщина. Он явно пожалел, что отвлекся от разговора о Розали. Похоже, в последнее время мы слишком много об этом спорили.

– Не сегодня, Белла. Прошу тебя.

– Ну, может, Элис даст мне то, что я хочу.

Эдвард издал тихий, но угрожающий звук.

– Сегодняшний день рождения не станет твоим последним, Белла, – пообещал он.

– Это нечестно!

Мне показалось, что я услышала, как он скрипнул зубами.

Мы подъезжали к дому. Из всех окон лился яркий свет. С карниза над крыльцом свисала длинная гирлянда японских фонариков, бросавших яркие отсветы на окружавшие дом исполинские кедры. На широких ступенях, которые вели к двустворчатой входной двери, стояли большие вазы с пышными розами. Я застонала. Эдвард несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

– Это же вечеринка, – напомнил он мне. – Постарайся соответствовать.

– Конечно, – пробормотала я.

Обойдя машину, он открыл мою дверь и предложил мне руку.

– У меня вопрос.

Он настороженно ждал.

– Когда проявлю пленку, – сказала я, вертя в руках фотоаппарат, – ты будешь на фотке?

Эдвард принялся хохотать. Он помог мне выйти из машины, потащил меня вверх по ступенькам и все еще смеялся, открывая передо мной входную дверь.

Все ждали меня в большой гостиной, отделанной в белых тонах. Когда я вошла, они дружно и громко приветство-

вали меня, пропев хором «С днем рождения, Белла!», а я покраснела и опустила глаза. Элис, похоже, украсила все, что только было можно, розовыми свечами и десятками ваз с розами. Рядом с роялем Эдварда стоял накрытый белой скатертью стол, на котором разместились розовый именинный торт, еще розы, стопка прозрачных тарелок и небольшая кучка обернутых в серебристую бумагу подарков. Все оказалось в сто раз хуже, чем я предполагала.

Эдвард, чувствуя мое смущение, ободряюще приобнял меня за талию и чмокнул в макушку.

Его родители, Карлайл и Эсми – до невозможности молодые и, как всегда, очаровательные – стояли ближе всего ко входу. Эсми осторожно обняла меня и поцеловала в лоб, коснувшись моей щеки своими пышными, цвета жженого сахара волосами, а затем и Карлайл обнял меня за плечи.

– Ты уж извини, Белла, – произнес он театральным шепотом. – Элис нам сдержаться не удалось.

Позади них стояли Розали и Эмметт. Розали не улыбалась, но, по крайней мере, не смотрела на меня волком. Лицо Эмметта расплылось в широкой улыбке. Я не видела их несколько месяцев и забыла, как потрясающе красива Розали – на нее было почти больно смотреть. А Эмметт всегда был таким... большим?

– Ты совсем не изменилась, – с деланой досадой сказал Эмметт. – Я-то думал увидеть разницу, а ты все такая же румяная.

– Большое спасибо, Эмметт, – ответила я, еще гуще заливаясь краской.

Он рассмеялся.

– Мне нужно на секундочку отлучиться. – Он заговорщически подмигнул Элис. – Ты тут без меня не шути.

– Постараюсь.

Элис отпустила руку Джаспера и выскочила вперед, сияя в ярком свете белозубой улыбкой. Джаспер тоже улыбнулся, но сохранил дистанцию. Высокий и белокурый, он прислонился к колонне у нижней ступени лестницы. В те дни в Финиксе, когда нам поневоле пришлось держаться рядом, я решила, что он избавился от антипатии ко мне. Однако он снова стал вести себя точно так же, как и раньше, когда избавился от временного обязательства защищать меня, – стараясь по возможности меня избегать. Я знала, что в этом не крылось ничего личного – это была простая предосторожность, – и старалась не очень-то из-за этого переживать. Джаспер с куда большим трудом придерживался рациона Калленов, нежели остальные. Ему гораздо тяжелее было не реагировать на запах человеческой крови – ведь прошло не так много времени.

– Пора открывать подарки, – объявила Элис. Прохладной ладонью она взяла меня под локоток и подвела к столу с тортом и сверкающими коробками.

Я напустила на себя мученический вид.

– Элис, я же тебе говорила, что мне ничего не нужно.

– А я тебя не послушала, – несколько надменно прервала она меня. – Открывай. – Она забрала у меня фотоаппарат и вручила большой серебристый куб.

Куб оказался очень легким, и я подумала, что внутри он пустой. Надпись сверху гласила, что это подарок от Эмметта, Розали и Джаспера. Я смущенно сорвала обертку и оглядела скрывавшуюся под ней коробку. Что-то электрическое или электронное с массой цифр в названии. Я открыла коробку, надеясь, что все прояснится. Но внутри и впрямь было пусто.

– М-м-м... спасибо.

Розали выдавила улыбку. Джаспер рассмеялся.

– Это стереосистема для твоего пикапа, – объяснил он. – Эмметт прямо сейчас ее монтирует, чтобы ты не смогла вернуть подарок.

Элис всегда опережала меня на шаг.

– Спасибо вам, Джаспер и Розали, – обратилась я к ним и улыбнулась, вспомнив, как Эдвард днем все жаловался, что у меня плохо работает радио. Все явно было продумано заранее. – Спасибо, Эмметт! – крикнула я и, услышав раздавшийся из моего пикапа ухающий смех, тоже невольно рассмеялась.

– Открой сначала мой подарок, а потом Эдварда, – попросила Элис. Она так волновалась, что ее голос напоминал птичью трель. В руке она держала небольшой плоский квадратик.

Я повернула голову и сердито посмотрела на Эдварда.

– Ты дал слово.

Не успел он ответить, как в дверь влетел Эмметт.

– Как раз вовремя! – воскликнул он, пристроившись за Джаспером, который тоже придвинулся ближе обычного, чтобы получше все разглядеть.

– Ни цента не истратил, – заверил меня Эдвард, убирая с моего лица прядь волос.

От его прикосновения у меня мурашки пробежали по коже. Я сделала глубокий вдох и повернулась к Элис.

– Давай, – выдохнула я.

Эмметт хмыкнул от восторга.

Я взяла маленькую коробочку и, посмотрев на Эдварда, приподняла пальцем край бумажной обертки и дернула вверх липкую ленту.

– Вот блин, – пробормотала я, порезав палец о бумагу. Подняв руку, я увидела небольшой порез, из которого показалась капелька крови.

Дальнейшее произошло мгновенно.

– Нет! – взревел Эдвард, бросился на меня и отшвырнул к столу.

Стол упал вместе со мной, обрушив на пол торт, подарки, вазы с цветами и тарелки. Я грохнулась в кучу разбитого хрусталя. Джаспер врезался в Эдварда с таким звуком, словно в горной лавине столкнулись два валуна. Раздался зловеющий рык, исходивший, казалось, из самой утробы Джаспера. Он попытался обойти Эдварда, щелкая зубами в нескольких

сантиметрах от его лица.

В следующее мгновение Эмметт схватил Джаспера сзади, сковав его своим железным захватом, но Джаспер вырывался, впившись в меня дикими пустыми глазами.

К шоку прибавилась боль. Я упала на пол рядом с роялем, инстинктивно выставив перед собой руки, чтобы смягчить падение, и рухнула на острые осколки стекла. На этот раз меня пронзила жгучая боль, рвавшая руку от запястья до локтевого сгиба. Ошеломленная и сбитая с толку, я подняла взгляд от толчками бившей из руки ярко-красной крови и уперлась им во внезапно вспыхнувшие лихорадочным огнем глаза шести вампиров.

Глава 2

Швы

Один только Карлайл сохранил спокойствие. В его тихом, но властном голосе отразился многовековой опыт работы в области экстренной медицины.

– Эмметт, Роуз, выведите Джаспера на улицу.

Эмметт кивнул, мгновенно стерев с лица улыбку.

– Пойдем, Джаспер.

Джаспер пытался вырваться из железных объятий Эмметта, щелкая на брата оскаленными зубами и сверкая по-прежнему безумными глазами. Эдвард с бледным как полотно лицом быстро подошел и склонился надо мной, заняв оборонительную позицию. Из-за его сжатых зубов слышалось тихое угрожающее рычание. Я заметила, что он не дышит.

Розали со странно окаменевшим ангельским личиком вышла вперед, держась подальше от зубов Джаспера, и помогла Эмметту вывести того через стеклянную дверь, которую открыла Эсми, прикрывавшая одной рукой рот и нос. Ее узкое лицо выражало стыд и отчаяние.

– Прости, Белла! – крикнула она, выходя вслед за ними во двор.

– Пропусти-ка меня, Эдвард, – пробормотал Карлайл.

Прошла секунда, после чего Эдвард медленно кивнул и

чуть отодвинулся в сторону.

– Держи, Карлайл, – сказала Элис, протягивая ему полотенце.

– В ране слишком много осколков. – Он покачал головой, протянул руку и оторвал от края белой скатерти длинную тонкую полоску. Накинув ее мне на руку повыше локтя, сделал импровизированный жгут.

От запаха крови у меня кружилась голова. В ушах звенело.

– Белла, – тихо произнес Карлайл. – Мне отвезти тебя в больницу или ты хочешь, чтобы я обработал рану здесь?

– Лучше здесь, – прошептала я. Если он отвезет меня в больницу, то тогда скрыть это от Чарли никак не удастся.

– Я принесу твой чемоданчик, – вызвалась Элис.

– Давай посадим ее за стол на кухне, – сказал Карлайл Эдварду.

Эдвард легко подхватил меня, а Карлайл придерживал жгут у меня на руке.

– Как самочувствие, Белла? – спросил Карлайл.

– Нормально, – ответила я более-менее ровным тоном, отчего немного успокоилась.

Лицо Эдварда словно окаменело.

Элис была уже на кухне. На столе стоял черный чемоданчик Карлайла и горела изящная, но яркая настольная лампа, включенная в розетку. Эдвард осторожно усадил меня на стул, а Карлайл придвинул себе еще один и сразу же принял-

ся за работу. Эдвард нависал надо мной, в любую секунду готовый защитить, все так же не дыша.

– Иди уже, Эдвард, – вздохнула я.

– Я выдержу, – упрямо ответил он. Однако челюсть у него напряглась, а глаза горели от лютой жажды, с которой он боролся, пытаясь подавить куда более сильное искушение, чем у остальных.

– Не надо геройствовать, – сказала я. – Карлайл справится без твоей помощи. Подыши свежим воздухом.

Карлайл чем-то уколол мне руку, и я слегка дернулась.

– Я останусь, – произнес Эдвард.

– Мазохист какой-то. Только зачем все это? – пробормотала я.

Карлайл решил вмешаться:

– Эдвард, разыщи-ка Джаспера, пока тот вконец не разошелся. Уверен, что он не в себе, и сильно сомневаюсь, что сейчас он послушается кого-нибудь, кроме тебя.

– Да, – с готовностью подхватила я, – разыщи Джаспера.

– Может, хоть что-то полезное сделаешь, – добавила Элис.

Глаза у Эдварда сузились, когда мы хором надели на него, но в конце концов он коротко кивнул и быстро вышел через заднюю кухонную дверь. Я была уверена, что он ни разу не вдохнул с той секунды, как я порезала палец.

Я почувствовала, как рука начала неметь. Хотя боль и отступала, онемение напомнило мне о ране, и я внимательно разглядывала лицо Карлайла, чтобы отвлечься от того, чем

занимались его руки. Его волосы сверкнули золотом в ярком свете, когда он склонился над моей рукой. Я почувствовала, как в животе у меня что-то неприятно шевельнулось, но твердо решила не поддаваться то и дело накатывавшей тошноте. Боль уже исчезла, осталось лишь какое-то легкое потягивание, на которое я старалась не обращать внимания. Не было никаких причин, чтобы меня стошнило, как ребенка.

Не маячь до этого она у меня перед глазами, я бы и не заметила, как Элис, не выдержав, тихонько вышла из кухни. С легкой виноватой улыбкой на губах она скрылась за порогом.

– Ну вот, все ушли, – вздохнула я. – Хоть комнату смогла очистить.

– Это не твоя вина, – успокоил меня Карлайл с легким смешком. – Со всяким может случиться.

– *Может?* – повторила я. – Но всегда почему-то случается со мной.

Он снова рассмеялся. Его непринужденность и спокойствие были еще более удивительными в сравнении с реакцией остальных. Я не обнаружила на его лице ни малейших признаков тревоги. Он работал быстро и уверенно. Единственными звуками, кроме нашего тихого дыхания, было пошвакивание кусочков стекла, один за другим падавших на стол.

– Как вам это удастся? – поинтересовалась я. – Даже Элис и Эсми... – Я умолкла, изумленно покачивая головой.

Хотя все остальные так же безоговорочно отказались от

традиционной пищи вампиров, как и Карлайл, он единственный мог выносить запах моей крови, не страдая от сильного искушения. Наверняка это было куда труднее, чем можно было судить по его виду.

– Многие и многие годы практики, – ответил он. – Я уже почти не замечаю запаха.

– Думаете, вам станет тяжелее, если вы на долгое время оставите медицину? Когда вокруг не будет крови?

– Возможно. – Он пожал плечами, но руки его остались на прежнем уровне. – Я никогда не чувствовал необходимости в длительном отпуске. – Он лучезарно улыбнулся мне. – Я слишком люблю свою работу.

Дзинь, дзинь, дзинь. Я удивилась тому, как много стекла оказалось у меня в ране. Меня так и подмывало посмотреть на растущую кучку, просто определить ее размер, но я знала, что это не поможет справиться с тошнотой.

– И что же вам в ней нравится? – поинтересовалась я. Для меня это не имело особого смысла: ведь он, наверное, долгие годы боролся с собой, прежде чем научился все это легко переносить. К тому же мне хотелось, чтобы он продолжал говорить: разговор отвлекал меня от неприятных ощущений в животе.

Карлайл ответил, глядя на меня спокойно и задумчиво:

– Хм-м. Больше всего мне нравится, когда мои развитые больше, чем у других, способности помогают спасти тех, кого иначе сочли бы безнадежными. Приятно осознавать,

что благодаря мне, тому, что я существую, жизнь некоторых людей становится лучше. Иногда даже обоняние становится полезным диагностическим инструментом. – Он улыбнулся уголком рта.

Я размышляла над его словами, пока он прошелся по краям раны, убеждаясь в том, что удалил все осколки стекла. Потом он снова полез в чемоданчик за инструментами, а я попыталась отогнать от себя мысли об игле и нити.

– Наверное, приходится очень стараться, исправляя то, в чем не виноват, – предположила я, ощутив по краям раны потягивание. – В том смысле, что ты этого не просил. Ты не выбирал эту жизнь, и все-таки приходится *изо всех сил* стараться, чтобы прожить ее хорошо.

– Не думаю, что я что-то исправляю, – вежливо возразил он. – Мне просто пришлось решать, что делать с тем, что мне дано.

– Как у вас все просто получается.

Карлайл еще раз осмотрел мою руку.

– Вот, – произнес он, обрезая нить. – Готово. – Он аккуратно провел по обработанной ране большой ватной палочкой, смоченной в какой-то светло-коричневой жидкости.

Пахла она странно, и у меня закружилась голова. Жидкость оставила на коже темные пятна.

– Но это было в начале, – продолжила я, пока он приклеивал пластырем еще одну длинную полоску марли. – А почему вы вообще решили попытаться пойти иным путем, а не

самым очевидным?

Его губы расплылись в загадочной улыбке.

– Разве Эдвард не рассказывал тебе эту историю?

– Рассказывал. Но я пытаюсь понять, о чем вы думали...

Его лицо вдруг снова оказалось серьезным, и мне стало интересно, пришел ли он к тому же выводу, что и я. Интересно, что бы я подумала, если бы... – я отказывалась себе это представить – ...если бы речь шла обо мне.

– Тебе известно, что мой отец был священником, – задумчиво начал он, наводя порядок на столе и протирая его влажной марлей, отчего в нос мне ударил жгучий запах спирта. – Его взгляды на жизнь были довольно суровыми, и я усомнился в них еще до того, как переменялся. – Карлайл сложил грязную марлю и обломки стекла в пустую хрустальную вазочку.

Я не понимала, что он делает, даже когда он зажег спичку. Затем он бросил ее на пропитанную спиртом ткань, и от внезапной вспышки я подпрыгнула на месте.

– Прости, – извинился он. – Вот теперь все... Так вот, я не соглашался с особой разновидностью веры своего отца. Однако почти за четыреста лет со своего рождения я не увидел ничего, что заставило бы меня усомниться в том, что Бог существует в той или иной форме. Даже отражение в зеркале.

Я сделала вид, что рассматриваю повязку, чтобы скрыть свое удивление тем, какой оборот принял наш разговор. Уж упоминания религии я никак не ожидала. Моя жизнь почти

никак не соотносилась с верой. Чарли считал себя лютеранином, потому что этой веры придерживались его родители, однако по воскресеньям он молился у реки с удочкой в руке. Рене время от времени принималась ходить в церковь, однако, как и в случае с ее недолгими увлечениями теннисом, гончарным делом, йогой и французским, бросала это дело к тому времени, когда я узнавала о ее очередной прихоти.

– Уверен, это звучит диковато, особенно из уст вампира. – Он широко улыбнулся, зная, что вольное обращение с этим словом неизменно повергает меня в шок. – Однако я надеюсь, что в этой жизни все же есть цель даже для нас. Хотя, признаться, она весьма далека, – продолжил он непринужденным тоном. – По общему мнению, мы все-таки прокляты, несмотря ни на что. Но я надеюсь, пусть это и глупо, что нам все-таки воздастся за наши старания.

– Я вовсе не думаю, что это глупо, – пробормотала я. Я не могла себе представить никого, включая божество, на кого бы Карлайл не произвел впечатления. К тому же единственный рай, который пришелся бы *мне* по душе, должен включать в себя Эдварда. – И другие, по-моему, тоже так не думают.

– На самом деле ты первая, кто со мной соглашается.

– А остальные не разделяют ваших взглядов? – изумленно спросила я, думая лишь об одном из них.

Карлайл снова угадал ход моих мыслей.

– Эдвард согласен со мной, но не во всем. Бог и рай су-

ществуют... и ад тоже. Но он не верит в то, что нам суждена жизнь после смерти, – очень тихо произнес Карлайл. Он посмотрел в темноту, открывавшуюся в большом окне над раковиной. – Понимаешь, он считает, что мы утратили свои души.

Я тут же вспомнила слова Эдварда, сказанные днем: *если только не хочешь умереть – или как там у нас это бывает*. В голове у меня словно вспыхнула лампочка.

– Так вот в чем проблема, да? – предположила я. – Поэтому он так ведет себя со мной?

Карлайл медленно произнес:

– Я смотрю на своего... *сына*. Вижу его силу, благородство, исходящий от него свет – и все это лишь подпитывает мою надежду и веру. Как может быть не дано большего такому, как Эдвард?

Я горячо закивала в знак согласия.

– Но если бы я верил так же, как он... – Он посмотрел на меня бездонными глазами. – Если бы ты верила, как верит он. Смогла бы ты забрать *его* душу?

То, как он поставил вопрос, сбивало меня с толку: я не знала, что ответить. Спроси он меня, рискнула бы я своей душой ради Эдварда, ответ лежал бы на поверхности. Но рискнула бы я душой Эдварда? Я с несчастным видом поморщилась. Это неравноценный обмен.

– Ты видишь проблему.

Я покачала головой, чувствуя, что мой подбородок упря-

мо вздернулся вверх.

— Это мой выбор, — с нажимом произнесла я.

— И его тоже. — Он поднял руку, заметив, что я собираюсь возразить. — Если он решится сделать это с тобой.

— Не он один может это сделать. — Я с любопытством посмотрела на Карлайла.

Он рассмеялся, внезапно разрядив обстановку.

— О нет! Об этом тебе с *ним* придется договариваться. — Но он тут же вздохнул. — Это единственное, в чем я никогда не буду уверен. Мне кажется, что в большинстве ситуаций, с которыми мне приходилось сталкиваться, я поступал наилучшим образом. Но было ли правильным обречь на эту жизнь других? На этот вопрос у меня нет ответа.

Я ничего не сказала. Лишь представила себе, как сложилась бы моя жизнь, если бы Карлайл подавил искушение скрасить свое одинокое существование... и содрогнулась.

— Это мать Эдварда заставила меня решиться, — почти прошептал Карлайл, невидящим взглядом глядя в темные окна.

— Его мать?

Всякий раз, когда я спрашивала Эдварда о его родителях, он лишь отвечал, что они давно умерли и он плохо их помнит. Я поняла, что воспоминания Карлайла, несмотря на недолгий контакт с ними, куда ярче.

— Да. Ее звали Элизабет, Элизабет Мейсен. Его отец, Эдвард-старший, так и не пришел в сознание в больнице. Он

умер во время первой волны эпидемии гриппа. Но Элизабет оставалась в сознании почти до самого конца. Эдвард очень на нее похож: волосы у нее были того же бронзового оттенка, и глаза такие же зеленые.

– У него были зеленые глаза? – пробормотала я, пытаюсь их себе представить.

– Да... – Взгляд коричневатого-желтых глаз Карлайла блуждал где-то далеко. – Элизабет с фанатичным упорством боролась за сына. Она лишила себя возможности выжить, пытаясь выходить его. Я ожидал, что он умрет первым, его состояние было куда тяжелее. Когда пришел ее черед, все случилось очень быстро. Это произошло сразу после заката, я приехал, чтобы сменить врачей, работавших весь день. Притворяться тогда стало трудно – навалилось столько работы, а отдых мне не требовался. Как же мне не хотелось возвращаться домой и прятаться в темноте, делая вид, что я сплю, когда вокруг умирало так много людей!

Сначала я отправился взглянуть на Элизабет и ее сына. Я привязался к ним, что всегда опасно, учитывая хрупкую человеческую природу. Я сразу заметил, что ей стало хуже. Температура у нее резко подскочила, и она слишком ослабла, чтобы бороться с болезнью. Однако она не выглядела слабой, когда пронзительно взглянула на меня, лежа на койке.

– «Спасите его!» – приказала она мне хриплым шепотом, который только и смогла из себя выдавить. «Я сделаю все,

что в моих силах», — пообещал я ей, взяв ее за руку. Температура у нее так поднялась, что она, наверное, и не почувствовала, как неестественно холодна моя рука. Теперь ей все казалось холодным. «Вы должны это сделать, — не унималась она, сжав мою руку с такой силой, что я подумал: возможно, она и выкарабкается. Взгляд у нее был тяжелый, как камень, и холодный, как изумруд. — Вы должны сделать все, что в *ваших* силах. То, в чем бессильны другие, вы должны сделать для моего Эдварда». Эти слова напугали меня. Она так пронзительно смотрела на меня, что я на секунду поверил в то, что ей известна моя тайна. Потом у нее началась лихорадка, и она так и не пришла в сознание. Она умерла через час после своей последней просьбы.

Я многие десятки лет раздумывал, не обзавестись ли мне спутником. Просто созданием, которое знало бы, кто я на самом деле, а не кем притворяюсь. Но я никогда не смог бы оправдать себя, сделав с другим то, что сотворили со мной.

Эдвард угасал. Стало ясно, что ему осталось всего несколько часов. Рядом с ним лежала его мать с лицом, беспокойным даже в смерти.

Карлайл словно вновь увидел все это незамутненным даже спустя столетие внутренним взором. Я тоже ясно себе это представила: безысходность больницы, охвативший всех смертельный ужас, Эдварда, сгоравшего в лихорадке, жизнь, утекавшую из него с каждой секундой... Я снова содрогнулась и с трудом выбросила страшную картину из головы.

– Слова Элизабет эхом отдавались у меня в голове. Как она догадалась, на что я был способен? Неужели кто-то мог желать такого своему сыну? Я посмотрел на Эдварда. Несмотря на тяжелую болезнь, он оставался прекрасным. В его лице было что-то чистое и одухотворенное. Я бы хотел, чтобы у моего сына было такое лицо.

После стольких лет нерешительности я последовал внезапному порыву. Сначала я отвез в морг его мать, а потом вернулся за ним. Никто не заметил, что он еще дышал. Не хватало рук, не хватало глаз, чтобы уследить и за половиной больных. В морге никого не было – по крайней мере, живых. Я вынес его через заднюю дверь, а потом по крышам вместе с ним пробрался к себе домой.

Я не знал точно, что надо делать. Я вспомнил о ранах, которые много веков назад сам получил в Лондоне. Потом я из-за этого мучился. Это оказалось больнее и мучительнее, чем требовалось. Однако я ни о чем не жалел. Я никогда не жалел о том, что спас Эдварда. – Он покачал головой, возвращаясь в сегодняшний день, и улыбнулся мне. – Полагаю, мне надо отвезти тебя домой.

– Я ее отвезу, – произнес Эдвард. Он шел через погруженную в полумрак гостиную, шагая медленнее обычного. Лицо у него было спокойное и непроницаемое, но в глазах угадывалось что-то такое, что он изо всех сил пытался скрыть. У меня тоскливо засосало под ложечкой.

– Карлайл отвезет меня, – настояла я и посмотрела на

свою блузку: голубая хлопчатобумажная ткань намочила от крови и покрылась темными пятнами, на правом плече – плотная розовая корка от глазури с торта.

– Я тоже смогу, – сказал Эдвард бесстрастным тоном. – Тебе все равно нужно переодеться. От твоего вида Чарли инфаркт хватит. Пойду попрошу Элис что-нибудь тебе подыскать. – Он снова вышел через дверь кухни.

Я с тревогой посмотрела на Карлайла.

– Он очень нервничает.

– Да, – согласился Карлайл. – Сегодня вечером случилось то, чего он больше всего боялся. Ты оказалась в опасности из-за нас.

– Он в этом не виноват.

– И ты тоже.

Я отвела взгляд от его мудрых, прекрасных глаз. С этим я согласиться не могла.

Карлайл протянул мне руку и помог встать из-за стола. Я прошла за ним в большую гостиную. Эсми уже вернулась. Она мыла пол там, где я упала, – судя по запаху, используя отбеливатель.

– Эсми, давайте я помою. – Я почувствовала, как кровь снова бросилась мне в лицо.

– Я уже закончила, – улыбнулась она. – Как самочувствие?

– Нормально, – заверила я ее. – Карлайл накладывает швы быстрее всех других врачей.

Они хмыкнули.

Из задних дверей показались Элис и Эдвард. Элис бросилась ко мне, а Эдвард остановился, застыв с непроницаемым выражением на лице.

– Пошли, – сказала Элис. – Подберем тебе что-нибудь повеселее.

Она разыскала мне блузку Эсми почти такого же цвета, как и моя. Я была уверена, что Чарли ничего не заметит. Широкая белая повязка на руке не смотрелась так угрожающе, когда уже не была измазана запекшейся кровью. Чарли никогда не удивлялся, видя на мне бинты.

– Элис? – прошептала я, когда она направилась к двери.

– Что? – тихо отозвалась она, склонив голову набок и испытующе глядя на меня.

– Все очень плохо?

Я не была уверена, стоило ли говорить шепотом, но Эдвард все же мог меня услышать, хоть мы и были наверху за закрытыми дверями.

Лицо ее напряглось.

– Точно пока не скажу.

– Как там Джаспер?

Она вздохнула.

– Очень на себя злится. Для него это было настоящим испытанием, а он терпеть не может, когда выглядит слабаком.

– Он в этом не виноват. Скажи ему, что я на него не сержусь, ни капли, ладно?

– Конечно.

Эдвард ждал меня у входа в дом. Когда я спустилась с лестницы, он открыл мне дверь, не говоря ни слова.

– Подарки не забудь! – крикнула Элис, когда я осторожно приблизилась к Эдварду. Она схватила две коробки, достала из-под рояля мой фотоаппарат и сунула все это мне в здоровую руку. – Потом, когда откроешь, «спасибо» скажешь.

Эсми и Карлайл сдержанно пожелали мне спокойной ночи. Я заметила, что они украдкой, как и я, поглядывают на своего невозмутимого сына.

Я с облегчением вышла на улицу и быстро миновала фонтаны и розы, неприятно напоминавшие о случившемся. Эдвард молча шагал рядом. Он открыл мне пассажирскую дверь, и я без пререканий села в машину.

На приборной панели красовалась большая красная лента, приклеенная к новой стереосистеме. Я оторвала ее и швырнула на пол, а когда Эдвард устроился на водительском месте, ногой задвинула под сиденье.

Он не взглянул ни на меня, ни на магнитулу. Мы не решились ее включить, и в гнетущей тишине рев мотора показался оглушительным. Эдвард нажал на педаль газа и помчался по темной извилистой дороге.

Молчание просто сводило меня с ума.

– Скажи что-нибудь, – наконец взмолилась я, когда он свернул на шоссе.

– Что ты хочешь от меня услышать? – спросил он холодно. От его равнодушного голоса я съежилась.

– Скажи, что прощаешь меня.

От этих слов лицо его озарилось – гневом.

– Прощаю *тебя*? За что?

– Будь я чуточку осторожнее, ничего бы не случилось.

– Белла, ты порезалась о бумагу – за такое не наказывают.

– Нет, это я виновата.

От этих моих слов словно плотину прорвало.

– Ты виновата? Если бы ты порезалась дома у Майка Ньютона и вокруг стояли бы Джессика, Анджела и прочие друзья-люди, что могло бы произойти в худшем случае? Максимум – что тебе не смогли бы найти пластырь. Если бы ты поскользнулась и перевернула стопку тарелок, сама, без постороннего вмешательства, а не когда тебя на них толкают, – даже тогда ты бы лишь запачкала кровью сиденье, пока тебя везли бы в «неотложку». Майк Ньютон мог бы держать тебя за руку, пока тебе накладывали швы. И пока он находился рядом с тобой, ему бы не пришлось бороться с искушением тебя убить. Не пытайся взвалить всю вину на себя, Белла, иначе я стану презирать себя еще больше.

– А с какой это стати мы заговорили о Майке Ньюtone? – раздраженно спросила я.

– А с той, что для тебя было бы куда безопаснее находиться рядом с ним, – прорычал Эдвард.

– Я лучше умру, чем окажусь рядом с Майком Ньютоном, – возмутилась я. – Лучше умру, чем буду с кем-то, кроме тебя.

– Прощу тебя, не надо мелодрам.

– Ну хорошо, тогда перестань ломать комедию.

Он не ответил, свирепо глядя сквозь ветровое стекло. Я ломала голову, не зная, как спасти остатки вечера. Когда мы подъехали к моему дому, я так ничего и не придумала. Эдвард заглушил двигатель, но по-прежнему сжимал руль.

– Останешься сегодня? – спросила я.

– Мне надо домой.

Только не хватало, чтобы он продолжал мучиться рассказом.

– Ну, ради моего дня рождения, – поднажала я.

– Нельзя быть такой непоследовательной – то тебе нужен праздник, то не нужен. Определись уже. – Его голос звучал твердо, но уже не так холодно, как раньше.

Я издала беззвучный вздох облегчения.

– Ладно. Я решила, что праздник мне нужен. Жду тебя наверху. – Я выпрыгнула из машины и потянулась за коробками.

Эдвард нахмурился.

– Не надо их брать.

– Нет, надо, – машинально ответила я и подумала, не пытается ли он меня поддразнить.

– Нет, не нужно. Карлайл и Эсми потратили на тебя деньги.

– Переживу. – Я неловко прижала к себе подарки здоровой рукой и захлопнула за собой дверь. Меньше чем за

секунду Эдвард выбрался из машины и оказался рядом со мной.

– Давай хоть я их понесу, – сказал он, забирая у меня коробки. – Я буду в твоей комнате.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– С днем рождения, – вздохнул он и наклонился, чтобы чмокнуть меня в губы.

Я приподнялась на носках, чтобы поцелуй продлился дольше, но он отстранился. Улыбнулся моей любимой кривой улыбкой и исчез в темноте.

Матч все еще продолжался. Едва я вошла в дом, как услышала голос комментатора, что-то говорившего сквозь рев толпы болельщиков.

– Белл? – раздался голос Чарли.

– Привет, пап! – откликнулась я, заворачивая за угол. Руку я держала у самого бока. От малейшего давления ее жгло, и я сморщила нос. Действие анестетика явно заканчивалось.

– Как все прошло? – Чарли развалился на диване, закинув босые ноги на подлокотник. Остатки его курчавых каштановых волос были зачесаны на одну сторону.

– Элис превзошла себя. Цветы, торт, свечи, подарки – все дела.

– И что тебе подарили?

– Стереосистему для пикапа. – И еще много всего, чего я пока не видела.

– Ух ты!

- Да, – согласилась я. – Ну, похоже, пора закругляться.
- Тогда до утра.
- До утра. – Я махнула рукой.
- А что с рукой?

Я покраснела и мысленно выругалась.

- Да ничего, поскользнулась.
- Белла, – вздохнул он, качая головой.

Я быстро прошла в ванную, где для подобных случаев у меня лежала пижама, влезла в топ на бретельках и ситцевые штаны вместо дырявого тренировочного костюма, в котором обычно спала, и вздрогнула, когда слегка задела швы. Потом умылась одной рукой, почистила зубы и проскользнула к себе в комнату.

Эдвард сидел на моей кровати, лениво поигрывая серебряной коробочкой.

– Привет, – произнес он грустным тоном – все еще переживал.

Я подошла к кровати, забрала у него подарок и вскарабкалась к нему на колени.

– Привет. – Я прижалась к его каменной груди. – Можно уже открыть подарки?

– Откуда вдруг такое рвение? – удивился он.

– Это ты разжег во мне любопытство. – Я взяла длинный плоский прямоугольник – наверное, он было от Карлайла и Эсми.

– Позволь-ка, – опередил меня Эдвард. Он взял из моих

рук подарок и одним плавным движением сорвал серебристую бумагу. Потом протянул мне прямоугольную белую коробочку.

– Уверен, что я смогу сама снять крышку? – пробормотала я, но он сделал вид, что не услышал.

Внутри оказался длинный лист плотной бумаги с текстом, набранным мелким шрифтом. Мне целую минуту пришлось вникать в суть написанного.

– Мы летим в Джексонвилл? – Я невольно обрадовалась. Это оказался оплаченный купон на авиабилеты для нас с Эдвардом.

– Именно.

– Поверить не могу. Вот Рене обрадуется! Но как же ты? Ведь там солнечно, и тебе целыми днями придется сидеть дома.

– Думаю, переживу, – произнес он и нахмурился. – Если бы я знал, что ты так адекватно отреагируешь на подарок, уговорил бы тебя открыть его в присутствии Карлайла и Эсми. Я-то думал, что ты возмутишься.

– Ну да, это слишком. Но ведь ты полетишь вместе со мной!

– Вот теперь я жалею, что не потратился на подарок, – хмыкнул он. – Не догадывался, что ты способна на рациональные поступки.

Я отложила купон в сторону и с любопытством потянулась за его подарком. Эдвард снова забрал его у меня, снял

обертку и протянул мне прозрачную коробочку с чистым серебристым компакт-диском внутри.

– Что это? – устало спросила я.

Он ничего не ответил, взял диск и, потянувшись к стоящему на прикроватном столике проигрывателю, нажал кнопку. Мы замерли в тишине, затем раздалась музыка.

Я слушала, онемев и вытаращив глаза. Я знала, что он ждет моей реакции, но слова не шли. На глаза мне навернулись слезы, и я подняла руку, чтобы вытереть их, пока не разревелась.

– Рука болит? – тотчас спросил он.

– Да нет, не рука. Это просто чудо, Эдвард. Большого и ожидать было нельзя. Поверить не могу. – Я замолчала и стала слушать дальше.

Звучала его музыка, его композиции. Первым треком на диске была моя колыбельная.

– Я подумал, что ты вряд ли разрешишь мне привезти сюда рояль, чтобы сыграть здесь, – объяснил он.

– Это точно.

– Как рука?

– Да нормально. – На самом деле под повязкой начало жечь. Нужен был лед. Меня бы устроила его рука, но это бы меня выдало.

– Пойду принесу тебе тайленол.

– Ничего не надо, – запротестовала я, но он снял меня с колен и направился к двери.

– Чарли, – прошипела я ему вслед.

Чарли вроде бы не догадывался, что Эдвард частенько остается тут ночевать. На самом деле его бы удар хватил, если бы он об этом узнал. Но я не чувствовала себя виноватой оттого, что его обманывала. Мы не собирались делать ничего, чего Чарли от меня не ждал и чего бы он не хотел. Эдвард с его правилами...

– Он меня не заметит, – пообещал Эдвард и бесшумно скрылся за дверью... и тут же вернулся, еще до того, как та успела закрыться. В руке он нес стакан с водой из ванной и пузырек с таблетками.

Я покорно выпила протянутые мне таблетки, зная, что спорить бесполезно. А рука и вправду начинала болеть. Фоном по-прежнему звучала тихая колыбельная.

– Уже поздно, – заметил Эдвард. Одной рукой он приподнял меня с кровати, а другой сдернул с нее покрывало. Потом положил мою голову на подушку и укрыл меня одеялом. Сам он лег рядом – поверх одеяла, чтобы я не замерзла, – и обнял меня.

Я прижалась головой к его плечу и счастливо вздохнула.

– Еще раз спасибо, – прошептала я.

– Не за что.

Мы долго слушали молча, пока не закончилась колыбельная. Начался второй трек. Я узнала любимую композицию Эсми.

– О чем ты думаешь? – шепотом спросила я.

Он на секунду задумался, прежде чем ответить.

– Вообще-то о добре и зле.

Я ощутила, как по спине у меня поползли мурашки.

– Помнишь, я говорила тебе, что мне все-таки нужен праздник? – быстро спросила я, желая отвлечь его и надеясь, что он об этом не догадается.

– Да, – осторожно ответил Эдвард.

– Ну, я тут подумала, что раз уж у меня день рождения, то надо бы тебе поцеловать меня еще разок.

– Что-то ты сегодня жадная.

– Ну да, только прошу тебя, не делай того, чего не хочешь, – несколько уязвленно добавила я.

Он рассмеялся, а потом вздохнул.

– Не дай Бог, что мне придется делать то, чего я не хочу, – произнес он с каким-то отчаянием, взяв меня за подбородок и притянув мое лицо к своему.

Поцелуй начался почти как всегда – Эдвард был осторожен, а сердце у меня заколотилось. А потом, похоже, что-то изменилось. Губы его стали настойчивее, свободную руку он запустил в мои волосы и прижал меня к себе. И хотя я тоже гладила его волосы и явно начала переходить установленные им границы, он почему-то меня не останавливал. Его тело обдавало меня холодом сквозь тонкое одеяло, но я податливо прижималась к нему.

Остановился он внезапно, отстранив меня нежными, но твердыми руками. Я рухнула на подушку, тяжело дыша.

Голова у меня кружилась. Просыпались какие-то смутные, неясные воспоминания.

– Извини, – произнес он, тоже ловя ртом воздух. – Мы перешли черту.

– А я вот не возражаю, – выдохнула я.

Он нахмурился.

– Постарайся заснуть, Белла.

– Нет, я хочу, чтобы ты меня еще поцеловал.

– Ты переоцениваешь мой самоконтроль.

– А что тебя больше влечет: моя кровь или мое тело? – поинтересовалась я.

– И то, и другое. – Он невольно улыбнулся, но тут же снова посерьезнел. – Ладно, перестань испытывать судьбу и лучше спи, хорошо?

– Ладно, – согласилась я, прижимаясь к нему. Я и вправду вымоталась. День во многих смыслах выдался долгим, но закончился как-то безрадостно. Завтра может случиться что-нибудь похуже. Но я отмела глупые страхи: что может быть хуже сегодняшнего? Явно шок на меня действует.

Стараясь проделать это незаметно, я прижала больную руку к его плечу, чтобы прохладная кожа уняла жжение. Мне сразу стало лучше. Я уже почти спала, когда поняла, что мне напомнил его поцелуй: прошлую весну, когда ему пришлось оставить меня, чтобы сбить Джеймса с моего следа. Эдвард тогда поцеловал меня на прощание, не зная, когда мы снова увидимся – если вообще увидимся. Сегодня поцелуй тоже

был с каким-то обреченным надрывом, и я не понимала почему. Я вздрогнула и провалилась в забытие, словно мне уже снился кошмар.

Глава 3

Конец

Наутро я чувствовала себя просто ужасно: невыспавшаяся, с горящей рукой и раскалывающейся головой. Настроение стало еще хуже после того, как Эдвард, чье лицо оставалось гладким и отстраненным, быстро поцеловал меня в лоб и выскользнул в окно. Я боялась думать о том, что происходило, пока я находилась в забытьи, – ведь он мог опять размышлять о добре и зле, глядя на меня. От этих мыслей в голове у меня стучало все сильнее и сильнее.

Эдвард, как всегда, ждал меня у школы, но выражение его лица меня по-прежнему тревожило. Что-то таилось в его взгляде – я не могла понять что именно, и это меня пугало. Мне не хотелось заговаривать о вчерашнем вечере, но я не была уверена, не станет ли от молчания только хуже.

Он открыл мне дверь.

– Как самочувствие?

– Прекрасно, – соврала я, сжавшись, когда звук захлопнувшейся двери отдался у меня в голове.

Мы шли молча, он сдерживал шаг, чтобы не вырваться вперед. Мне хотелось задать очень много вопросов, но почти все они могли подождать, поскольку предназначались главным образом Элис. Как Джаспер чувствовал себя утром? О

чем они говорили, когда я уехала? Что сказала Розали? И самое важное – что она разглядела в смутно открывавшихся перед ней картинах будущего? Догадывается ли она, о чем думает Эдвард, почему он такой мрачный? Существуют ли какие-то основания для внутренних, инстинктивных страхов, от которых я никак не могу избавиться?

Утро тянулось медленно. Мне не терпелось увидаться с Элис, хотя я и не смогла бы толком поговорить с ней в присутствии Эдварда. Он же оставался равнодушным. Время от времени он спрашивал меня, как рука, а я в ответ лгала, что все в порядке.

Элис обычно являлась к обеду раньше нас, ей не приходилось подстраиваться под лентяек вроде меня. Но на этот раз стол оказался пуст: подруга не ждала с подносом, уставленным тарелками, к которым она никогда не притрагивалась.

Эдвард никак не прокомментировал ее отсутствие. Я подумала, что ее могли задержать на уроке, но тут увидела Коннера и Бена, вместе с которыми она ходила на французский.

– Где Элис? – нетерпеливо спросила я у Эдварда.

Он посмотрел на батончик мюслей, который крутил в пальцах, и ответил:

– Она с Джаспером.

– С ним все в порядке?

– Он ненадолго уехал.

– Уехал? Куда?

– Да так. – Эдвард пожал плечами.

– И Элис тоже, – добавила я с тихим отчаянием в голосе. Конечно, если Джаспер в ней нуждается, она поехала с ним.

– Да. Ее какое-то время не будет. Она пыталась убедить его отправиться в Денали.

В Денали обитал еще один клан уникальных вампиров – таких же положительных, как и Каллены. Таня и ее семейство. Я часто о них слышала. Эдварду пришлось сбежать к ним прошлой зимой, когда после моего приезда ему стало неуютно в Форксе. Лоран, самый цивилизованный член стаи Джеймса, отправился туда, вместо того чтобы примкнуть к Джеймсу в борьбе против Калленов. Так что со стороны Элис вполне разумно было посоветовать Джасперу поехать туда.

Я проглотила внезапно подступивший к горлу комок, ссутулилась от нахлынувшего чувства вины и опустила голову. Это я выжила их из дома, так же как Розали и Эмметта. Я просто чума какая-то.

– Рука болит? – заботливо спросил Эдвард.

– Да кому какое дело до моей дурацкой руки? – с отвращением пробормотала я. Он не ответил, и я положила голову на стол.

К концу дня молчание стало казаться уже нелепым. Мне не хотелось первой нарушать его, но другого выбора не было, если я хотела, чтобы он вообще со мной заговорил.

– Зайдешь сегодня попозже? – спросила я, когда он – без единого слова – проводил меня до пикапа.

Обычно он всегда ко мне заходил.

– Попозже?

Я с удовольствием отметила, что он, похоже, удивился.

– Мне надо на работу. Пришлось договариваться с миссис Ньютон, чтобы вчера взять выходной.

– Ах да, – пробормотал он.

– Ну, так зайдешь, когда я вернусь домой? – Мне вдруг стало не по себе, и я почувствовала неуверенность.

– Если хочешь.

– Я всегда этого хочу, – напомнила я ему, возможно, чуть настойчивее, чем следовало.

Я ждала, что он рассмеется, улыбнется или как-нибудь еще отреагирует на мои слова.

– Тогда ладно, – равнодушно произнес он, снова поцеловал меня в лоб и захлопнул дверь. Потом развернулся и легкой походкой направился к своей машине.

Я успела выехать с парковки прежде, чем меня охватила паника, но уже почти задыхалась, когда доехала до магазинчика Ньютонов. Ему просто нужно время, твердила я себе. Он отойдет. Может, ему грустно оттого, что его семья разлетается в разные стороны? Но ведь Элис с Джаспером скоро вернутся, и Розали с Эмметтом тоже. Если это хоть как-то поможет, я стану держаться подальше от большого белого дома на берегу реки. Ноги моей никогда больше там не будет. Это не так уж и важно. Мы же станем видеться с Элис в школе, верно? К тому же она и так бывала у меня дома. Ей

же не захочется обижать Чарли, избегая нас. Да и с Карлайлом я продолжу регулярно встречаться – в «неотложке».

В конце концов, вчера вечером ничего такого уж особенного не случилось. Ничего не произошло. Ну, я упала – так мне всегда с этим везет. По сравнению с прошлой весной это обычный пустяк. Джеймс бросил меня с переломами, я чуть не умерла от потери крови, – и все же Эдвард в те бесконечные недели в больнице вел себя *гораздо* лучше, чем теперь. Может, это оттого, что тогда ему приходилось защищать меня от врага, а не от собственного брата?

Может, было бы лучше, если бы он меня куда-нибудь увез? Тогда его родным не пришлось бы разъезжаться в разные стороны. Я немного приободрилась, представив, как мы будем жить вместе и нам никто и ничто не будет мешать. Если бы он только продержался до конца учебного года! Чарли не стал бы возражать. Мы бы уехали в колледж – или сделали бы вид, что уехали, как Эмметт и Розали. Конечно, Эдвард смог бы подождать год. Что такое год для бессмертного? Даже мне это не казалось долгим сроком.

Наконец я смогла уговорить себя и, обретя достаточно уверенности, вылезла из машины и вошла в магазин. Майк, который сегодня пришел первым, улыбнулся и помахал мне рукой. Я взяла форменный жилет и рассеянно кивнула ему в ответ. Мне все еще виделись чудесные картины побега с Эдвардом и разные экзотические места, в которых мы с ним бываем.

– Как прошел день рождения? – прервал мои фантазии Майк.

– Да так, – пробормотала я. – Рада, что все закончилось. Майк украдкой посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Рабочие часы тянулись томительно долго. Мне опять захотелось увидеть Эдварда, и я от всей души надеялась, что, когда мы с ним снова увидимся, все худшее уже будет позади. Ничего не случилось, твердила я себе. Все образуется.

Свернув на свою улицу и увидев припаркованную у нашего дома серебристую машину Эдварда, я почувствовала несказанное облегчение – такое сильное, что мне даже стало неловко.

Я влетела в дом, позвав с порога:

– Пап? Эдвард? – Сквозь собственные крики я слышала доносившуюся из гостиной знакомую музыкальную заставку спортивного канала.

– Мы здесь, – откликнулся Чарли.

Я повесила плащ на крючок и поспешила в комнату.

Эдвард сидел в кресле, отец развалился на диване. Оба не отрываясь смотрели в телевизор. Для папы это было нормально. А вот для Эдварда – не очень.

– Привет, – тихо сказала я.

– Привет, Белла, – ответил отец, не отводя глаз от экрана. – Мы тут поели холодной пиццы. По-моему, на столе еще что-то осталось.

– Хорошо.

Я ждала в дверях. Наконец Эдвард обернулся ко мне с вежливой улыбкой.

– Сейчас тебя догоню, – пообещал он и снова уставился в телевизор.

Я в шоке смотрела на них еще минуту. Похоже, никто ничего не заметил. Чувствуя, как в груди у меня поднимается что-то похожее на панику, я выбежала в кухню.

Пицца меня не интересовала. Я села на стул, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Что-то разладилось, наверное, куда сильнее, чем я осознавала. В телевизоре мужские голоса подначивали друг друга.

Я попыталась взять себя в руки. *Что из самого худшего может случиться?* Я вздрогнула. Вопрос явно поставлен неверно. Мне стало тяжело дышать.

Ладно, снова подумала я, что самое худшее я могла бы пережить? Этот вопрос мне тоже не очень понравился. Но я перебрала пришедшие мне сегодня на ум варианты. Держаться подальше от семьи Эдварда. Конечно, он не стал бы ожидать, что это коснется Элис. Но если Джаспер съехал с катушек, тогда я стану проводить с ней меньше времени. Я кивнула: это я переживу.

Или уехать? Может, он не захочет дожидаться конца учебного года и придется уехать прямо сейчас.

На столе передо мной, там, где я их оставила, лежали подарки Чарли и Рене: фотоаппарат, которым мне не довелось поснимать у Калленов, и альбом. Я коснулась красивой об-

ложки подаренного мне мамой альбома и вздохнула, думая о Рене. Несмотря на то, что я уже довольно долго живу без нее, при мысли о более долгом расставании мне стало не по себе. Да и Чарли останется здесь, всеми брошенный. Им обоим будет так больно...

Но мы же вернемся, да? Мы ведь станем приезжать в гости? А вот на эти вопросы я не могла ответить с уверенностью.

Я прислонилась щекой к коленке, глядя на материальные проявления любви своих родителей. Я знала, что выбранный мною путь окажется не из легких. И все же я обдумывала самый худший сценарий, худший из всех, которые могла бы пережить.

Я снова коснулась альбома, перевернув первую страницу. Маленькие металлические уголки уже дожидались первой фотографии. Мысль как-то запечатлеть свою жизнь здесь показалась неплохой. Я ощутила странное желание сделать это поскорее. Может, жить в Форксе мне осталось не так уж долго.

Я поигрывала с ремешком фотокамеры, думая о первом кадре. Будет ли он близким к оригиналу? В этом я сомневалась. Но Эдвард, похоже, не думал, что на пленке останется пустое место. Я мысленно улыбнулась, вспоминая его вчерашний беззаботный смех, но моя улыбка тут же угасла. Так много изменилось, и так внезапно. У меня вдруг закружилась голова, словно я стояла на краю бездонной пропасти.

Мне больше не хотелось думать об этом. Я взяла фотоаппарат и пошла наверх.

Моя комната не очень изменилась с тех пор, как мама побывала здесь семнадцать лет назад: все те же светло-голубые стены, те же пожелтевшие кружевные занавески на окне. Теперь здесь стояла кровать, а не люлька, но Рене узнала бы небрежно брошенное поверх нее одеяло – подарок бабушки.

Я сфотографировала свою комнату. Сегодня вечером я бы много не наснимала – на улице было уже слишком темно, – тем не менее желание становилось все сильнее, подчиняя меня. Я должна запечатлеть в Форксе все, что удастся, прежде чем уеду отсюда.

Надвигались перемены. Я это чувствовала. Они не сулили ничего хорошего, особенно теперь, когда жизнь так прекрасно складывалась.

Я не спеша спустилась по лестнице с фотоаппаратом в руках, стараясь не обращать внимания на неприятное посасывание под ложечкой при мысли о непонятной отстраненности, которую мне не хотелось видеть в глазах Эдварда. Он отойдет. Наверное, он боялся, что я расстроюсь, когда он попросит меня уехать. Я позволю ему обдумать это самому, без постороннего вмешательства. И буду подготовлена, когда он об этом попросит.

Я взяла фотоаппарат и скользнула за угол. Я была уверена, что застать Эдварда врасплох мне не удастся, но он не

поднял глаз. Я слегка вздрогнула, когда меня снизу обдало холодом, но не обратила на это внимания и сделала снимок.

Тут они оба посмотрели на меня. Чарли нахмурился. Лицо Эдварда не выражало ничего.

– Что ты делаешь, Белла? – обиделся Чарли.

– Ой, да ладно тебе. – Я выдавила улыбку и села на пол напротив дивана, где развалился Чарли. – Ты же знаешь, что мама скоро позвонит и спросит, пользуюсь ли я ее подарком. Надо взяться за работу до того, как она успеет обидеться.

– А почему ты фоткаешь меня? – пробурчал он.

– Потому что ты очень симпатичный, – ответила я игривым тоном. – А еще потому, что, раз уж ты подарил мне фотоаппарат, то должен присутствовать на снимках.

Он пробормотал что-то непонятное.

– Эй, Эдвард, – попросила я с деланным равнодушием. – Сними-ка меня вместе с папой. – Я перебросила своему другу камеру, стараясь не смотреть ему в глаза, и опустилась на колени у подлокотника дивана, на котором лежала голова Чарли. Чарли вздохнул.

– Нужна улыбочка, Белла, – пробормотал Эдвард.

Я изобразила широкую улыбку, сверкнула вспышка.

– Давайте-ка я сфоткаю вас, ребята, – предложил Чарли.

Я знала, что ему не терпится поскорее скрыться от объектива.

Эдвард поднялся и легко перебросил ему камеру. Я подошла и встала рядом с Эдвардом. Композиция показалась

мне какой-то неестественной и странной. Он слегка приобнял меня за плечи, а я обвила рукой его талию. Мне хотелось посмотреть ему в лицо, но я боялась.

– Улыбочку, Белла, – снова напомнил мне Чарли.

Я сделала глубокий вдох и улыбнулась. Вспышка ослепила меня.

– Хватит на сегодня, – сказал Чарли, сунув камеру за диванные подушки и прислонившись к ним. – Иначе ты всю пленку истратишь.

Эдвард снял ладонь с моего плеча и выскользнул из моих объятий. Я вдруг так испугалась, что у меня затряслись руки. Я прижала их к животу, чтобы скрыть дрожь, положила подбородок на колени и уставилась в телевизор, ничего не видя.

Когда передача закончилась, я не шевельнулась. Краем глаза я заметила, что Эдвард встал.

– Поеду домой, – сказал он.

– Пока, – отозвался Чарли, не отрывая глаз от рекламы.

Я неловко поднялась – ноги затекли от неподвижного сидения – и вышла вслед за Эдвардом на улицу. Он зашагал напрямиком к машине.

– Останешься? – спросила я безо всякой надежды в голосе.

Ответ я знала заранее, поэтому он не очень меня уязвил.

– Не сегодня.

О причине я спрашивать не стала.

Эдвард сел в машину и уехал, а я продолжала стоять стол-

бом и едва заметила, что начался дождь. Я ждала, сама не зная чего, пока за спиной у меня не открылась дверь.

– Белла, что ты там делаешь? – спросил Чарли, удивленно глядя на меня, одиноко стоящую под дождем.

– Ничего. – Я повернулась и пошла к дому.

Ночь выдалась долгой, почти бессонной. Я встала, как только за окном забрезжил рассвет, машинально собралась в школу в ожидании того момента, когда облака посветлеют. Поев хлопьев, я решила, что света уже достаточно, чтобы снимать. Я сфотографировала свой пикап, а потом фасад дома. Развернулась и сделала несколько снимков леса рядом с домом Чарли. Забавно, что чаща не выглядела такой зловещей, как обычно. Я поняла, что стану по всему этому скучать – по зелени, безвременью и загадочности лесов. По всему.

Перед уходом я сунула фотоаппарат в рюкзак. Я попыталась думать о своем новом увлечении, а не о том, что Эдвард, скорее всего, за ночь так и не отошел. Вместе со страхом меня начало одолевать нетерпение. Сколько все это может тянуться?

Тянулось это все утро. Он молча шагал рядом со мной, кажется, так ни разу на меня и не взглянув. Я попыталась сосредоточиться на занятиях, но даже английский меня не увлекал. Мистеру Берти пришлось дважды повторить свой вопрос о синьоре Капулетти, прежде чем я поняла, что он адресован мне. Эдвард тихонько прошептал мне правильный ответ, а потом снова повел себя так, словно меня нет.

За обедом молчание продолжилось. Мне казалось, что я вот-вот завизжу, лишь бы его нарушить. Я перегнулась за разделявшую стол невидимую черту и обратилась к Джессике:

– Слушай, Джесс.

– Что такое, Белла?

– Сделай мне одолжение, а? – попросила я, залезая в рюкзак. – Мама хочет, чтобы я сделала для альбома несколько фоток друзей. Щелкни всех, ладно?

Я протянула ей фотоаппарат.

– Конечно, – широко улыбаясь, ответила она, повернулась и тут же щелкнула Майка, застав его врасплох с набитым ртом.

Получилась вполне ожидаемая картина. Я смотрела, как они передавали камеру по кругу, хихикая, флиртуя и жалуясь, что плохо получились. Может, сегодня я была не в настроении вести себя нормально, по-человечески?

– Ой-ой, – виновато сказала Джессика, возвращая мне фотоаппарат. – Похоже, мы всю пленку истратили.

– Ничего. По-моему, я уже сфоткала все, что нужно.

После школы Эдвард молча проводил меня до парковки. Мне снова надо было на работу, но я этому даже обрадовалась. Он явно тяготился моим обществом. Может, в одиночестве ему станет лучше.

Я забросила пленку в фотоателье по дороге в магазинчик Ньютонов и забрала готовые снимки после работы. Дома я

поздоровалась с Чарли, схватила на кухне батончик гранолы и быстро поднялась к себе, засунув под мышку конверт с фотографиями.

Я села на кровать и с настороженным любопытством открыла конверт. Смешно, конечно, но я по-прежнему ожидала, что на первой фотографии окажется пустота.

Вытащив ее, я громко ахнула. Эдвард выглядел таким же прекрасным, как и в реальной жизни, глядя на меня с фотографии теплыми глазами, по которым я так скучала последние несколько дней. Казалось просто поразительным, что кто-то может выглядеть так... так... за гранью всяких описаний. Не хватило бы и тысячи слов, чтобы передать это.

Я быстро пролистала всю стопку, вытащила три снимка и положила их рядышком на кровати.

На первом был Эдвард со сдержанным изумлением во взгляде теплых глаз. На втором – Эдвард и Чарли, смотрящие телевизор. Выражения лица Эдварда очень сильно разнились. Тут его взгляд был настороженным и напряженным. Он был все так же потрясающе красив, но лицо у него было холодное, как у статуи, какое-то полуживое.

На последнем снимке мы с Эдвардом стояли, неловко прижавшись друг к другу. Лицо у него было такое же холодное и замершее. Но встревожило меня в этой фотографии совсем другое. Контраст между нами был до боли разительным. Он выглядел как бог. А я – очень средненько, даже для человека, какая-то простушка. Я с отвращением перевернула по-

следний снимок.

Вместо того чтобы делать уроки, я принялась вставлять фотографии в альбом, потом под каждой из них шариковой ручкой подписала имена и дату. Дойдя до нашей с Эдвардом фотографии, я, недолго думая, сложила ее пополам и засунула под металлический уголок лицом Эдварда наружу.

Закончив, я положила второй комплект фотографий в чистый конверт и написала Рене длинное письмо.

Эдвард так и не появился. Мне не хотелось признаваться в том, что именно из-за него я засиделась так поздно, но причина заключалась только в этом. Я попыталась вспомнить, когда он в последний раз не появился вот так, без повода, без звонка... Такого не случалось.

Я опять плохо спала. Занятия в школе тянулись утомительно и пугающе, как и в предыдущие два дня. Я было почувствовала облегчение, увидев, что Эдвард ждет меня на парковке, но длилось оно недолго. Вел он себя так же, разве что стал более отстраненным.

Было трудно даже припомнить причину всех этих неприятностей. Мой день рождения казался уже далеким прошлым. Если бы только Элис смогла вернуться – и поскорее! Прежде чем все окончательно разладится.

Но рассчитывать на это было невозможно. Я решила, что если сегодня не смогу с ним поговорить, поговорить по-настоящему, то завтра отправлюсь к Карлайлу. Надо было что-то делать.

Я дала себе слово, что после школы мы с Эдвардом все это обсудим. Никаких извинений и отговорок я принимать не стану.

Он проводил меня до пикапа, и я исполнилась решимости вызвать его на откровенный разговор.

– Не возражаешь, если я сегодня зайду? – спросил он, из-за чего я чуть не упала.

– Конечно, нет.

– Прямо сейчас, – уточнил он, открывая мне дверь.

– Конечно, – ответила я ровным голосом, хотя настойчивость в его тоне мне не понравилась. – Я собиралась по дороге опустить в ящик письмо Рене. Увидимся у меня.

Он посмотрел на лежавший на пассажирском сиденье пухлый конверт, неожиданно протянул руку и схватил его.

– Я его опущу, – тихо произнес он. – И успею раньше тебя. – Он улыбнулся моей любимой перекошенной улыбкой, но какой-то неестественной. Его глаза оставались серьезными.

– Ладно, – согласилась я, не в силах улыбнуться в ответ.

Эдвард закрыл дверь и зашагал к своей машине.

Он действительно меня опередил. Когда я подъехала к дому, он уже припарковался на месте Чарли. Плохой знак. Значит, оставаться он не собирается. Я покачала головой и сделала глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки.

Эдвард вылез из машины, когда я вышла из пикапа, и двинулся мне навстречу. Протянул руку и взял у меня рюкзак.

Это было нормально. Но потом он бросил его обратно на сиденье. А вот это было уже ненормально.

– Пойдем прогуляемся, – бесцветным тоном произнес он, беря меня за руку.

Я не ответила. Я не знала, как отказаться, но сразу поняла, что хочу это сделать. Мне все это не нравилось. *Все плохо, очень плохо*, вновь и вновь повторял мой внутренний голос.

Но Эдвард не стал дожидаться ответа. Он потащил меня к восточному краю двора, где начинался лес. Я нехотя шла за ним, пытаюсь обуздать внутреннюю панику. Ведь именно этого я и хотела, напомнила я себе, – возможности все обговорить. Тогда почему меня обуревают страх?

Мы углубились в лес всего на несколько шагов, когда он остановился. Мы едва ступили на тропинку, я еще видела дом. Эдвард прислонился к дереву и посмотрел на меня непроницаемым взглядом.

– Ладно, давай поговорим, – согласилась я со спокойствием, которого на самом деле не испытывала.

Он сделал глубокий вдох.

– Белла, мы уезжаем.

Я тоже глубоко вдохнула. Это приемлемый вариант. По моему, я к нему приготовилась. Но все же надо было спросить.

– А почему теперь? Еще год...

– Белла, время настало. В конце концов, сколько еще мы можем оставаться в Форксе? Карлайл едва может сойти за

тридцатилетнего и заявляет, что сейчас ему тридцать три. Нам все равно пришлось бы вскоре переехать.

Его ответ сбил меня с толку. Мне казалось, что цель отъезда состояла в том, чтобы оставить его семью в покое. Зачем им трогаться с места, если уедем мы? Я смотрела на него, пытаюсь понять, что он имеет в виду.

Он устремил на меня холодный взгляд. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, я догадалась, что поняла все неправильно.

– Когда ты говоришь *мы*... – прошептала я.

– То имею в виду свою семью и себя, – отчеканил он.

Я машинально затрясла головой, пытаюсь обрести ясность мысли. Он ждал без малейших признаков нетерпения. Мне понадобилось несколько минут, чтобы снова обрести дар речи.

– Хорошо, – сказала я. – Я поеду с тобой.

– Тебе нельзя, Белла. Место, куда мы отправляемся... оно не для тебя.

– Мое место – рядом с тобой.

– Я тебе не пара, Белла.

– Не будь смешным, – хотелось мне сказать со злобой, но прозвучало это умоляющим тоном. – Ты лучшее, что есть у меня в жизни.

– Мой мир не для тебя, – мрачно произнес он.

– То, что произошло с Джаспером, – просто чушь, Эдвард! Чепуха!

– Ты права, – согласился он. – Именно этого и следовало ожидать.

– Ты же обещал! В Финиксе ты пообещал, что останешься...

– Пока это не вредит тебе, – вставил он, поправляя меня.

– *Нет!* Дело ведь в моей душе, да? – в ярости крикнула я, но мои слова по-прежнему звучали как мольба. – Карлайл мне об этом рассказал, но мне все равно, Эдвард. Все равно! Можешь взять мою душу. Без тебя она мне не нужна – она уже твоя!

Он глубоко вздохнул и долго смотрел на землю невидящим взглядом. Губы его чуть дернулись. Когда он, наконец, поднял глаза, взгляд его изменился, сделался жестче, словно застывшее жидкое золото.

– Белла, я не хочу, чтобы ты ехала со мной, – размеренно и четко произнес он, холодно глядя на меня, стараясь донести смысл своих слов.

Повисло молчание, пока я несколько раз повторяла про себя его последнюю фразу, пытаюсь разгадать ее подлинное значение.

– Я... тебе... не нужна? – Я нерешительно выдавливала из себя слово за словом, пораженная их звучанием в таком порядке.

– Нет.

Я смотрела ему в глаза, ничего не понимая. Он ответил мне твердым взглядом. Его глаза превратились в топазы –

жесткие, ясные и очень глубокие. Казалось, я видела в них многие километры пути, но нигде в их бездонных глубинах не заметила ни малейшего противоречия сказанным им словам.

– Ну, это все меняет. – Я сама удивилась тому, насколько спокойно и убедительно прозвучал мой голос. Наверное, потому, что я онемела. Я не могла понять, о чем он говорил. Его слова по-прежнему казались лишенными смысла.

Эдвард посмотрел в глубь леса и продолжил:

– Конечно, я всегда буду тебя любить... по-своему. Но случившееся тем вечером заставило меня понять, что настало время перемен. Потому что я... *устал* притворяться тем, кем не являюсь. Я не человек, Белла. Не человек. – Он перевел взгляд на меня, и ледяные черты его лица стали *нечеловеческими*. – Я позволил всему этому затянуться слишком надолго и очень об этом жалею.

– Нет, – теперь уже прошептала я. До меня начала доходить суть его слов, струясь по жилам, словно кислота. – Не делай этого.

Он продолжал смотреть на меня, и в его глазах я прочла, что мои слова слишком запоздали. Он уже все решил.

– Ты мне не пара, Белла. – Он чуть изменил уже сказанную фразу, потому спорить я не могла. Я слишком хорошо знала, что не гожусь для него.

Я было открыла рот, чтобы сказать что-то еще, и снова закрыла. Он терпеливо ждал, его лицо вообще ничего не вы-

ражало. Я предприняла еще одну попытку.

– Ну, если... ты так хочешь.

Он лишь кивнул.

Мое тело онемело, я вообще не чувствовала его ниже шеи.

– Однако я хотел бы попросить тебя об одном одолжении, если ты не возражаешь, – сказал он.

Наверное, он что-то заметил в моем взгляде, потому что в его лице промелькнуло нечто неуловимое. Но не успела я определить, что именно, как оно снова превратилось в застывшую маску.

– Все что угодно, – пообещала я чуть тверже.

Я заметила, как его ледяной взгляд оттаял. Золото вновь стало жидким, расплавленным, обжигающим.

– Не совершай глупых или необдуманных поступков, – повелительным тоном произнес он, глядя на меня. – Понимаешь, о чем я?

Я беспомощно кивнула.

Глаза его снова похолодели, отстраненность вернулась.

– Конечно же, я думаю о Чарли. Ты нужна ему. Береги себя – ради него.

– Хорошо, – прошептала я, снова кивнув.

Похоже, он чуть смягчился.

– Взамен я тоже дам тебе обещание, – сказал он. – Обещаю тебе, что ты видишь меня в последний раз. Я не вернусь. Я больше не втяну тебя ни во что подобное. Ты сможешь жить своей жизнью безо всякого вмешательства с моей стороны.

Все будет так, словно я никогда не существовал.

Наверное, у меня затряслись колени, потому что деревья внезапно закачались. Я чувствовала, что кровь за глазницами бьется гораздо быстрее обычного. Голос его стал тише.

– Не волнуйся, – нежно улыбнулся он. – Ты – человек, и память твоя – не более чем решето. У вас, людей, время залечивает все раны.

– А твоя память? – спросила я. В горле у меня встал ком, я задыхалась.

– Ну... – Он на секунду замялся. – Я не забуду. Но *нас*... нас очень легко отвлечь. – Он спокойно улыбнулся, но эта улыбка не затронула его глаз, и отступил на шаг. – Полагаю, это все. Мы больше тебя не побеспокоим.

Я отметила про себя слово «мы», и меня это удивило: я уже была уверена, что не способна ничего замечать.

– Элис не вернется, – догадалась я. Сама не знаю, как Эдвард меня услышал – я ничего не сказала, – но, кажется, он понял.

Он медленно покачал головой, не сводя с меня глаз.

– Нет. Они все уехали. Я задержался, чтобы попрощаться с тобой.

– Элис уехала? – спросила я бесцветным от неверия тоном.

– Она хотела попрощаться, но я убедил ее, что для тебя будет лучше, если она просто исчезнет.

Голова у меня закружилась, мне стало трудно сосредото-

читься, его слова все вертелись у меня в голове. И тут я услышала голос врача в больнице в Финиксе, когда прошлой весной он показывал мне рентгеновские снимки. *«Видите, вот здесь простой перелом. – Он провел пальцем по контуру кости. – Это хорошо. Он легче и быстрее срастется».*

Я попыталась отдышаться. Надо было сосредоточиться, чтобы найти выход из этого кошмара.

– Прощай, Белла, – произнес Эдвард все тем же тихим и спокойным тоном.

– Подожди! – прохрипела я, потянувшись к нему и заставляя свои онемевшие ноги нести меня вперед.

Мне показалось, что он тоже подался ко мне. Однако его холодные руки схватили меня за запястья и прижали их к бокам. Он наклонился и на короткое мгновение легко коснулся губами моего лба. Я закрыла глаза.

– Береги себя, – выдохнул он, обдав холодом мою кожу.

Я ощутила легкое движение воздуха и открыла глаза. Листья на небольшом кудрявом клене чуть шевельнулись от его движений. Эдвард исчез.

Я зашагала вслед за ним в лес на подгибающихся ногах, не думая о том, что все мои действия бесполезны. Все признаки его присутствия мгновенно исчезли. Не осталось никаких следов, листья вновь замерли, но я, не думая, все шла вперед. Ничего другого я делать не могла. Надо было двигаться. Если я перестану его искать, все кончится.

Любовь, жизнь, смысл... кончатся.

Я все шла и шла. Время словно перестало существовать, когда я медленно продиралась сквозь густой подлесок. Шли часы, а мне казалось – минуты. Может, время замерло потому, что лес выглядел совершенно одинаково, как бы глубоко я в него ни заходила. Я начала беспокоиться, не блуждаю ли я по кругу, причем очень маленькому, но продолжала идти. Я все чаще спотыкалась по мере того, как темнело, и даже падала. Наконец я зацепилась за что-то ногой – теперь во круг царила тьма, и я понятия не имела, что это было, – и осталась лежать. Потом повернулась на бок, чтобы дышать, и свернулась калачиком на ковре из мокрого папоротника.

Лежа так, я поняла, что прошло больше времени, чем я думала. Я не могла вспомнить, давно ли зашло солнце. Тут всегда так темно по вечерам? Конечно, как правило, сквозь тучи должен пробиваться лунный свет, просачиваясь в прогалины между ветвями. Но не сегодня. Сегодня небо стало иссиня-черным. Может, луны вовсе не будет: лунное затмение, новолуние.

Новолуние. Я вздрогнула, хотя холодно мне не было.

Я долго пролежала в полной черноте, прежде чем услышала чей-то голос. Кто-то выкрикивал мое имя. Оно доносилось издалека и звучало глухо из-за окружавших меня мокрых кустов, но звали точно меня. Голос я не узнала. Я подумала, что надо бы отозваться, но голова шла кругом, и я долго соображала, прежде чем поняла, что действительно должна отозваться. И тут все смолкло.

Немного позже меня разбудил дождь. Кажется, я так и не уснула – просто впала в некий ступор, всеми силами держась за какое-то онемение, которое не доносило до меня то, что мне не хотелось сознавать.

Дождь меня слегка растормошил. Стало холодно. Я разомкнула сжимавшие колени руки и прикрыла ими лицо.

И вот тут я снова слышала, что меня зовут. На этот раз крик раздавался гораздо дальше, и мне показалось, что в нем не один, а несколько голосов. Я попыталась глубоко дышать. Вспомнила, что надо бы откликнуться, но решила, что меня вряд ли услышат. Смогу ли я крикнуть достаточно громко?

Внезапно раздался другой звук, на удивление близко. Это было какое-то утробное, животное сопение – громкое, совсем рядом. Я подумала, надо ли мне бояться, и не испугалась – лежала полностью онемевшая. Мне все было безразлично. Сопение стихло.

Дождь не прекращался, и я почувствовала, как у моей щеки натекла крохотная лужица. Я попыталась собраться с силами, чтобы повернуть голову, и тут увидела свет.

Вначале это было лишь неяркое свечение, отражавшееся от кустов где-то вдали. Оно становилось все ярче, освещая большое пространство не так, как направленный луч фонаря. Свет прорвался сквозь ветви росших рядом кустов, и я увидела, что это всего лишь газовая лампа – яркая вспышка на мгновение ослепила меня.

– Белла! – Голос был глубокий и незнакомый, но очень

уверенный. Он звучал не так, словно его обладатель искал меня, а как будто бы убедился, что нашел.

Я подняла глаза, и где-то высоко-высоко увидела склонившееся надо мной темное лицо. Я смутно понимала, что незнакомец показался мне великаном потому, что я лежала на земле.

– Ты не ранена?

Я понимала, что эти слова что-то означают, но лишь смущенно смотрела вверх. Что теперь имело хоть какое-то значение?

– Белла, меня зовут Сэм Улей.

Мне это имя ничего не говорило.

– Чарли послал меня на твои поиски.

Чарли? Что-то знакомое, и я попыталась прислушаться к тому, что он говорил. Имя Чарли хоть что-то для меня означало.

Высокий мужчина протянул мне руку. Я устояла на ней, не зная, как поступить. Он смерил меня быстрым взглядом и пожал плечами, а потом быстрым ловким движением подхватил с земли.

Я безжизненно висела на его руках, когда он вприпрыжку бежал по мокрому лесу. Наверное, я должна была встревожиться из-за того, что незнакомец куда-то меня несет. Но во мне не осталось ничего, что могло бы тревожиться.

Мне показалось, что прошло немного времени, прежде чем засверкали огни и раздался громкий гул мужских голо-

сов. Сэм Улей сбавил шаг, приблизившись к возбужденной группе людей.

– Я ее нашел! – громко произнес он.

Гомон стих, но потом возобновился с новой силой. Передо мной калейдоскопом пронеслись смущенные и озадаченные лица. В окружавшем меня хаосе я разбирала лишь голос Сэма Улея, наверное, потому, что мое ухо прижималось к его груди.

– Нет, по-моему, она не ранена, – сказал он кому-то. – Она все время повторяет «Он уехал».

Разве я говорила это вслух? Я закусила губу.

– Белла, дорогая, с тобой все в порядке?

Этот голос я бы узнала везде, даже срывающийся от волнения, как теперь.

– Чарли? – произнесла я странным, тихим тоном.

– Я здесь, детка.

Подо мной что-то зашевелилось, потом меня обдало запахом кожи от отцовской форменной куртки шерифа. Чарли чуть пошатнулся под моим весом.

– Может, мне ее понести? – предложил Сэм Улей.

– Я ее держу, – ответил Чарли, слегка задыхаясь.

Он медленно и натужно зашагал вперед. Мне хотелось сказать ему, чтобы он опустил меня на землю и дал мне идти самой, но у меня пропал голос.

Повсюду плясали огни фонарей, которые держали шедшие рядом с нами люди. Все это напоминало парад. Или по-

хоронную процессию. Я закрыла глаза.

– Мы почти дома, дорогая, – время от времени бормотал Чарли.

Я снова открыла глаза, услышав звук отпираемого замка. Мы были на крыльце нашего дома, и высокий смуглый мужчина по имени Сэм Улей открыл перед нами дверь, протянув одну руку, словно готовый подхватить меня, если Чарли вдруг не удержит.

Но Чарли сумел пронести меня в дверь и положить на диван в гостиной.

– Пап, я вся мокрая, – чуть слышно прохрипела я.

– Ничего страшного, – сердито сказал он. И тут же обратился к кому-то: – Одежда в шкафу на втором этаже.

– Белла? – позвал еще чей-то голос. Я посмотрела на склонившегося надо мной седого мужчину и узнала его лишь через несколько секунд.

– Доктор Джеранди? – прошептала я.

– Именно так, дорогая, – ответил он. – Ты ранена, Белла?

Мне потребовалась минута, чтобы обдумать ответ. Я запуталась, вспомнив похожий вопрос, который мне в лесу задал Сэм Улей. Вот только Сэм спросил как-то иначе: *Ты не ранена?* Разница почему-то показалась мне существенной.

Доктор Джеранди ждал. Он вздернул седую бровь, и морщины на его лбу стали глубже.

– Я не ранена, – соврала я. Эти слова были вполне правдоподобным ответом на его вопрос.

Его теплая рука легла мне на лоб, а его пальцы легко сжали мое запястье. Я смотрела на его губы, пока он беззвучно что-то считал, глядя на часы.

– Что с тобой стряслось? – непринужденно спросил он.

Я замерла под его рукой, чувствуя подступавшую к горлу панику.

– Ты заблудилась в лесу? – подсказал он.

Я заметила, что нас слушают еще какие-то люди. Трое высоких мужчин со смуглыми лицами – похоже, из Ла-Пуша, резервации индейцев племени квилетов, – стояли почти рядом и смотрели на меня, среди них был и Сэм Улей. Мистер Ньютон с Майком и мистер Вебер поглядывали украдкой, а не пристально, как незнакомцы. Еще какие-то голоса раздавались на кухне и у входа в дом. Наверное, полгорода вышло меня искать.

Чарли стоял ближе всех. Он наклонился, чтобы услышать мой ответ.

– Да, – прошептала я. – Я заблудилась.

Врач задумчиво кивнул и принялся осторожно ощупывать лимфатические узлы у меня под нижней челюстью. Лицо Чарли окаменело.

– Устала? – спросил доктор Джеранди.

Я кивнула и послушно закрыла глаза.

– По-моему, с ней все в порядке, – через мгновение услышала я голос врача, обращенный к Чарли. – Просто переутомление. Пусть хорошенько выспится, а завтра я к ней за-

гляну, проведу. – Он умолк. Наверное, посмотрел на часы, потому что добавил: – Ну, вообще-то уже сегодня.

Раздался скрип – они встали с дивана.

– Это правда? – прошептал Чарли.

Голоса успели отдалиться. Я напрягла слух.

– Они уехали?

– Доктор Каллен просил нас никому ничего не говорить, – ответил доктор Джеранди. – Предложение поступило очень внезапно, и на раздумья у них времени почти не оставалось. Карлайл не хотел поднимать шум по поводу отъезда.

– Мог бы и предупредить, – пробурчал Чарли.

Отвечая, доктор Джеранди немного смутился.

– Ну да, в подобной ситуации уведомление не помешало бы.

Я больше не хотела ничего слышать. Нашупала край одеяла, кем-то на меня брошенного, и натянула его на голову.

Я то засыпала, то снова просыпалась. Слышала, как Чарли шепотом поблагодарил волонтеров, и они одни за другим разошлись. Почувствовала, как его пальцы легли мне на лоб, а потом тяжесть еще одного накинутаго на меня одеяла. Несколько раз звонил телефон, и Чарли поспешил взять трубку, прежде чем я проснусь. Он полушепотом успокаивал звонивших:

– Да, мы нашли ее. Все нормально. Она заблудилась. С ней все в порядке, – повторял он.

Я слышала, как скрипнули пружины кресла, когда он стал

устраиваться на ночь.

Через несколько минут опять зазвонил телефон. Чарли застонал, вставая, и, спотыкаясь, бросился на кухню. Я плотнее укрылась одеялами, не желая снова слушать одни и те же разговоры.

– Да, – зевнув, произнес Чарли. Когда он снова заговорил, голос его звучал куда бодрее и настороженнее. – Где? – Пауза. – Вы уверены, что за пределами резервации? – Еще пауза. – Но *там-то* что может гореть? – Голос его звучал тревожно и недоверчиво. – Я сам туда сейчас позвоню и все выясню.

Я слушала с большим интересом, пока он набирал номер. – Привет, Билли, это Чарли, извини, что так поздно... нет, с ней все в порядке. Она спит... Спасибо, но я звоню не поэтому. Мне только что позвонила миссис Стенли. Она говорит, что из окон второго этажа видит какие-то огни на утесах у моря, но я вообще-то... Ах, так! – В его голосе вдруг слышалось раздражение... или злоба. – И зачем они это затеяли? Так-так. Правда? – саркастически спросил он. – Ладно, уж передо мной-то не извиняйся. Да, да. Ты там присмотри, чтобы огонь не расползся... Знаю, знаю. Сам удивился, что они в такую погоду там зажигают. – Чарли запнулся, а потом нехотя добавил: – Спасибо, что прислал Сэма и других ребят. Ты оказался прав: они действительно знают лес куда лучше нас. Это Сэм ее нашел, так что с меня причитается... Да, потом поговорим, – согласился он так же нехотя, повесил

трубку и бормотал что-то себе под нос, пока шел обратно в гостиную.

– Что случилось? – спросила я.

Он бросился ко мне.

– Извини, что разбудил, дорогая.

– Что-нибудь горит?

– Да ничего, – успокоил он меня. – Просто кто-то разжег костры на утесах.

– Костры? – переспросила я. В моем голосе звучало не любопытство. В нем звучала смерть.

Чарли нахмурился.

– Да какие-то малолетки из резервации шалят, – объяснил он.

– Почему? – вяло удивилась я.

Я чувствовала, что отвечать ему не хочется. Он уставился в пол под ногами.

– Они празднуют известие, – с горечью в голосе произнес он.

Как я ни старалась, на ум мне пришло лишь одно известие. И тут все сошлось.

– О том, что Каллены уехали, – прошептала я. – Я совсем забыла, им не нравилось, что Каллены обосновались рядом с Ла-Пуш.

Среди суеверий квилетов имелось поверье, что «холодные» – кровососы – враги их племени. Оно существовало наряду со сказаниями о великом потопе и волкоподоб-

ных предках. Для большинства индейцев это были сказки, фольклор. Но были и такие, кто в это верил. Билли Блэк, близкий друг Чарли, верил в это, хотя даже его сын Джейкоб считал, что отца одолевают глупые суеверия. Билли предупредил меня, чтобы я держалась подальше от Калленов...

При воспоминании об этой фамилии внутри меня что-то дернулось и стало рваться наружу. Что-то такое, с чем мне не хотелось сталкиваться.

– Это же смешно! – выпалил Чарли.

Мы немного посидели молча. Небо за окном уже не было черным. Где-то за дождевыми тучами всходило солнце.

– Белла? – произнес Чарли.

Я неловко посмотрела на него.

– Он бросил тебя одну в лесу? – спросил Чарли.

Я ответила вопросом на вопрос.

– Откуда ты узнал, где меня искать?

Мой ум упорно уклонялся от неминуемого осознания всей глубины произошедшего, которое быстро и неотвратимо надвигалось на меня.

– Из твоей записки, – удивленно ответил Чарли. Он потянулся к заднему карману джинсов и вытащил оттуда основательно потерянный листочек бумаги – грязный и мокрый, во многих местах помятый оттого, что его часто разворачивали и сворачивали. Он снова его развернул и поднял вверх, словно улику. Небрежный почерк удивительным образом походил на мой.

Ушла погулять с Эдвардом по тропинке, говорилось в записке. Скоро вернусь. Б.

– Когда ты не вернулась, я позвонил Калленам, но никто не ответил, – тихо сказал Чарли. – Тогда я позвонил в больницу, и доктор Джеранди сообщил мне, что Карлайл уехал.

– И куда же они уехали? – пробормотала я.

– А разве Эдвард тебе ничего не говорил? – Чарли уставился на меня.

Я с отвращением покачала головой. Это имя подхлестнуло что-то, что грызло меня изнутри, боль, от которой перехватывало дыхание, поражая своей силой.

Чарли с сомнением посмотрел на меня и ответил на свой вопрос.

– Карлайл получил работу в большой больнице в Лос-Анджелесе. Похоже, ему там посулили немалые деньги.

Солнечный Лос-Анджелес. Вот туда-то они точно не отправятся. Я вспомнила свой кошмарный сон про зеркало... отсвечивавшие от его кожи яркие солнечные лучи... От воспоминаний о его лице меня словно током пронзило.

– Я хочу знать, бросил ли Эдвард тебя одну посреди леса, – настойчиво повторил Чарли.

От упоминания его имени меня снова пронзило. Я отчаянно замотала головой, пытаюсь прогнать боль.

– Я сама виновата. Он оставил меня на тропинке, там, откуда видно дом... но я попыталась пойти вслед за ним.

Чарли открыл рот, чтобы что-то сказать, а я совсем по-

детски зажала ладонями уши.

– Пап, я больше не хочу об этом говорить. Хочу к себе в комнату.

Не успел он ответить, как я с трудом встала с дивана и заковыляла вверх по лестнице.

Кто-то побывал в доме, чтобы оставить для Чарли записку, по которой он смог бы меня найти. Как только я это поняла, в голове у меня зародилось чудовищное подозрение. Я бросилась к себе, захлопнула дверь и закрыла ее на замок, потом кинулась к стоявшему у кровати проигрывателю.

Все выглядело в точности так, как в последний раз. Я нажала на крышку отсека для дисков. Раздался щелчок, и крышка медленно поднялась. Внутри было пусто.

Альбом, который подарила мне Рене, лежал на полу – там, где я его оставила. Дрожащей рукой я перевернула обложку. Дальше мне листать не пришлось. Под маленькими металлическими уголками не было никакой фотографии. Пустота и сделанная моей рукой подпись внизу: *Эдвард Каллен, на кухне у Чарли, 13 сентября*. Я замерла. Я была уверена, что он не упустит ничего. *Все будет так, словно я никогда не существовал*, пообещал он мне.

Я ощутила коленями гладкие деревянные половицы, потом прижалась к ним руками и, наконец, щекой. Я надеялась, что падаю в обморок, однако, к собственному разочарованию, сознания не потеряла. Волны боли, раньше лишь лизавшие меня, теперь взмыли вверх и накрыли меня с го-

ловой.

Я не вынырнула.

Октябрь

Ноябрь

Декабрь

Январь

Глава 4

Пробуждение

Время течет. Даже когда это кажется невозможным. Даже когда каждое тиканье секундной стрелки отдается болью, словно пульсация крови в сосудике под ссадиной. Течет оно неровно, то ускоряясь, то замедляясь, но все же течет. Даже для меня.

Чарли с грохотом ударил кулаком по столу.

– Хватит, Белла! Я отправляю тебя домой.

Я оторвала взгляд от хлопьев, которые больше рассматривала, чем ела, и в шоке уставилась на Чарли. За разговором я не следила – вообще-то я едва замечала, что мы разговариваем, – и не совсем поняла, что он имел в виду.

– Я же дома, – смущенно пробормотала я.

– Я отправляю тебя к Рене, в Джексонвилл, – уточнил он.

– А что я сделала? – Я почувствовала, как лицо у меня перекосилось. Как же это несправедливо. В последние четыре месяца я вела себя просто безупречно. После той первой недели, о которой мы никогда не вспоминали в разговорах, я не пропустила ни одного дня ни в школе, ни на работе. Училась на «отлично». И «комендантский час» не нарушала – никогда не ходила туда, где можно нарушить «комендантский час». И лишь изредка ставила на стол остатки еды из

холодильника.

Чарли бросил на меня сердитый взгляд.

– Ты *ничего* не сделала. Вот в чем проблема. Ты вообще ничего не делаешь.

– Ты хочешь, чтобы я вляпалась в неприятности? – удивленно спросила я, задумчиво сдвинув брови. Я сделала над собой усилие, чтобы сосредоточиться. Это было нелегко. Я так привыкла все от себя отбрасывать, что у меня словно заложило уши.

– Неприятности оказались бы куда лучше, чем это... эта бесконечная хандра.

Последнее слово укололо меня. Я тщательно избегала любых форм замкнутости, включая хандру.

– Я не хандрю.

– Я не так выразился, – неохотно согласился он. – Хандра куда лучше, при ней хоть что-то делается. Ты же... какая-то безжизненная, Белла. Вот теперь, по-моему, правильно.

Тут он попал в самую точку. Я вздохнула и попыталась придать своему голосу немного живости.

– Извини, пап. – Извинение прозвучало немного вяло, я сама это почувствовала. А я-то думала, что мне удалось его провести. Я прилагала все усилия, чтобы избавить Чарли от переживаний. Как же больно было сознавать, что все они оказались напрасными.

– Не нужны мне твои извинения.

– Тогда скажи, что же тебе от меня нужно, – вздохнула я.

– Белла, – начал он, но замялся, обдумывая мою возможную реакцию на свои слова. – Сама знаешь, что ты не первая и не последняя, кто через все это проходит.

– Знаю. – Я криво улыбнулась.

– Послушай, дорогая. Я тут подумал, что... может, тебе нужна помощь.

– Помощь?

Он умолк, снова подыскивая подходящие слова.

– Когда твоя мама ушла от меня, – нахмурившись, начал он, – и забрала тебя с собой... – Он сделал глубокий вдох. – Ну, тогда мне пришлось очень и очень нелегко.

– Я знаю, пап, – пробормотала я.

– Но я с этим справился, – подчеркнул он. – А ты, дорогая, не справляешься. Я ждал и надеялся, что тебе станет лучше. – Он посмотрел на меня, и я быстро уставилась в пол. – По-моему, мы оба знаем, что лучше не становится.

– У меня все нормально.

Он пропустил мои слова мимо ушей.

– Может, тебе с кем-нибудь об этом поговорить? С профессионалом.

– Ты хочешь отправить меня к психиатру? – Мой голос прозвучал чуть резче, когда я поняла, к чему он клонит.

– А вдруг это поможет?

– А вдруг ни капельки не поможет, а?

Я не очень много знала о психоанализе, но могла с уверенностью сказать, что он имеет успех, если больной говорит

более-менее откровенно. Конечно, я могла бы выложить всю правду – если бы хотела провести остаток жизни в палате с обитыми войлоком стенами.

Он взгляделся в мое упрямое лицо и зашел с другой стороны:

– Я бессилён, Белла. Может, твоя мама...

– Послушай, – спокойно произнесла я. – Если хочешь, я сегодня вечером куда-нибудь выберусь. Позвоню Джесс или Анджеле.

– Я не этого хочу, – устало возразил он. – Похоже, я не вынесу, если ты продолжишь стараться ради окружающих. Я ещё не видел никого, кто бы так заставлял себя держаться. Просто больно смотреть.

Я продолжала бездумно смотреть в стол.

– Что-то я не понимаю, пап. Сначала ты злишься, потому что я ничего не делаю, а потом говоришь, что не хочешь, чтобы я куда-то выбиралась.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива... нет, даже не так. Я хочу, чтобы ты не жила в подавленном состоянии. По-моему, самое лучшее для тебя – это уехать из Форкса.

Мои глаза сверкнули первой искоркой чувств, которых я так долго не испытывала.

– Я никуда не поеду, – ответила я.

– Это почему же? – поинтересовался он.

– Мне осталось учиться меньше полугодия, а переезд всё испортит.

– С учебой у тебя все хорошо – наверстаешь.

– Я не хочу стеснять маму и Фила.

– Твоя мама ждет не дождется, когда ты вернешься.

– Во Флориде слишком жарко.

Он снова ударил кулаком по столу.

– Мы оба знаем, что на самом деле тут происходит, Белла, и ситуация приняла неприятный для тебя оборот. – Он сделал глубокий вдох. – Сколько месяцев прошло! Ни звонков, ни писем, вообще ничего. Нельзя же все время его ждать!

Я сердито взглянула на него. Лицо у меня едва не вспыхнуло. Давно я не краснела хоть от каких-то эмоций.

– Я ничего не жду и ни на что не надеюсь, – глухо и ровно ответила я.

– Белла... – хрипло начал Чарли.

– Мне пора в школу, – оборвала я его, встав и схватив со стола завтрак, к которому не притронулась. Потом поставила миску в раковину, не удосужившись ее помыть. Я не могла больше разговаривать. – Поговорю с Джессикой, – бросила я через плечо, надевая рюкзак и не глядя ему в глаза. – Может, не приеду к ужину. Мы с ней съездим в Порт-Анджелес и ходим в кино. – Я вылетела в дверь, не дав ему и рта раскрыть.

Торопясь поскорее сбежать от Чарли, я приехала в школу одной из первых. Плюс заключался в том, что мне досталось шикарное место на парковке. А минус – у меня появилось свободное время, чего я пыталась избегать любой ценой.

Быстро, чтобы не начать размышлять над обвинениями Чарли, я вытащила учебник по матанализу, раскрыла его на разделе, который нам предстояло сегодня проходить, и постаралась вникнуть. Читать учебник математики было еще хуже, чем слушать учителя, но я двигалась вперед. За последние несколько месяцев я занималась матанализом раз в десять больше, чем математикой за все предыдущие годы. В результате мне удавалось постоянно получать пятерки с минусом. Я знала, что мистер Варнер относил все мои успехи за счет своей оригинальной методики. Это доставляло ему удовольствие, и я не собиралась разрушать его иллюзии.

Я заставила себя вникать в формулы, пока вся стоянка не заполнилась, и в результате мне пришлось бежать на английский. Мы проходили «Скотный двор» – легкую тему. Я не возражала против коммунизма, он вносил хоть какое-то разнообразие в программу, состоявшую по большей части из скучных любовных романов. Я устроилась на своем месте, довольная тем, что меня отвлекает лекция мистера Берти.

Пока шли занятия, время бежало быстро. Очень скоро прозвенел звонок. Я начала убирать вещи в рюкзак.

– Белла?

Я узнала голос Майка и угадала, что он скажет, прежде чем он успел раскрыть рот.

– Ты завтра работаешь?

Я подняла глаза. Он стоял в проходе, наклонившись ко мне с озабоченным выражением лица. Каждую пятницу он

задавал мне один и тот же вопрос. И неважно, что я никогда не отпрашивалась с работы. Ну, разве один раз несколько месяцев назад. Я была образцовым работником.

– Завтра ведь суббота, верно? – сказала я. Вспомнила, что совсем недавно говорил мне Чарли, и поняла, что голос у меня и вправду безжизненный.

– Да, суббота, – согласился он. – Увидимся на испанском. Он махнул мне и отвернулся. Он больше не пытался провозжать меня. Я в самом мрачном настроении поплелась на матанализ.

На этих уроках я обычно сидела рядом с Джессикой. Но вот уже несколько недель, а может и месяцев, Джессика не здоровается, встретив меня в коридоре. Я знаю, что ее раздражает мое асоциальное поведение и она дуется. Непросто будет заговорить с ней сейчас, особенно попросить ее об одолжении. Я тщательно взвесила все варианты, слоняясь у дверей класса.

Я не собиралась возвращаться домой к Чарли без рассказа о «выходе в свет». Я знала, что не умею врать, хотя меня очень привлекала мысль прокатиться до Порт-Анджелеса и обратно – тогда мой одометр намотает нужный километраж на тот случай, если папа его проверит. Мамаша Джессики слыла главной сплетницей в городе, и Чарли непременно столкнется с ней рано или поздно. А когда столкнется, непременно вспомнит об этой поездке. Так что вранье исключалось.

Вздохнув, я распахнула дверь. Мистер Варнер бросил на меня недовольный взгляд – он уже начал урок. Я быстро направилась к своему месту. Джессика даже не подняла глаз, когда я села рядом с ней. Я обрадовалась тому, что у меня есть пятьдесят минут, чтобы внутренне подготовиться к разговору.

Матанализ пролетел даже быстрее, чем английский. Отчасти потому, что я основательно подготовилась к нему утром, сидя в своем пикапе, но, скорее всего, оттого, что время для меня всегда ускорялось, когда я ждала чего-то неприятного.

Я поморщилась, когда мистер Варнер отпустил всех на пять минут раньше. Он улыбался так, как будто сделал нам одолжение.

– Джесс? – Я внутренне сжалась в ожидании момента, когда она ответит.

Подруга повернулась на стуле и недоверчиво посмотрела на меня.

– Это ты *мне*, Белла?

– Конечно. – Я вытаращила глаза, изображая непонимание.

– И что тебе? Помочь с матанализом? – немного кислым тоном спросила она.

– Нет. – Я покачала головой. – Вообще-то я хотела узнать, может... может, сходим в кино сегодня вечером, а? Мне очень нужно развеяться с кем-нибудь из девчонок.

Мои слова прозвучали неестественно, словно небрежно

сыгранная роль, и Джессика внимательно посмотрела на меня.

– А почему меня зовешь? – по-прежнему недоверчиво спросила она.

– Ты первая, о ком я думаю, когда хочется развеяться, – улыбнулась я, надеясь, что улыбка вышла искренней. Может, так и было на самом деле. По крайней мере, я вспомнила именно о ней, когда мне захотелось смыться от Чарли. А это было одно и то же.

Похоже, Джесс немного смягчилась.

– Ну, даже не знаю.

– У тебя какие-то планы?

– Нет... наверное, я смогу с тобой пойти. А что ты хочешь посмотреть?

– Я не очень в курсе, что идет, – уклонилась я от ответа, лихорадочно соображая, что бы сказать. Может, кто-то недавно говорил о фильмах? Или я видела афишу? – А вот этот, про женщину-президента?

Она удивленно взглянула на меня.

– Белла, он уже давным-давно прошел.

– Ой! – Я нахмурилась. – Может, ты что-то хочешь посмотреть?

В Джессике проснулась ее природная болтливость, и она, сама того не желая, начала рассуждать вслух.

– Ну, есть одна романтическая комедия, которую все хвалят. Ее хочу посмотреть. А еще папа недавно видел «Тупик»,

и ему очень понравилось.

Я ухватилась за многообещающее название.

– А о чем этот «Тупик»?

– Про зомби или что-то вроде того. Он сказал, что давно не видел таких ужасиков.

– Это то, что надо. – Я бы предпочла столкнуться с настоящими зомби, чем смотреть романтический сироп.

– Вот и ладно.

Похоже, мой ответ ее удивил. Я попыталась вспомнить, нравятся ли мне ужасы, но точно сказать не могла.

– Заехать за тобой после школы? – предложила Джессика.

– Конечно.

Прежде чем уйти, Джессика улыбнулась мне со сдержанной дружелюбностью. Я немного запоздала с ответной улыбкой, но подумала, что она ее все же заметила.

Остаток дня пролетел быстро, поскольку я полностью сосредоточилась на сегодняшнем вечере. По опыту я знала, что, стоит лишь разговорить Джессику, и я смогу отделаться невнятным бормотанием в нужных местах. Так что от меня понадобится минимум общения.

Плотный туман, окутывавший мою теперешнюю жизнь, иногда сбивал меня с толку. Я удивилась, очутившись у себя в комнате, потому что не помнила, как ехала из школы или даже как открывала входную дверь. Но это не имело значения. Потерять чувство времени – это самое большее, чего я просила от жизни.

Не успев стряхнуть с себя эту дымку, я повернулась к шкафу. В некоторых местах она оказывалась гораздо плотнее, чем в других. Я едва понимала, на что смотрю, когда отодвинула в сторону дверь и увидела кучу барахла в левой части шкафа, под одеждой, которую никогда не носила. Я не стала разглядывать черный мешок для мусора, где лежали подарки с последнего дня рождения и покореженный черный пластик стереосистемы. Я не стала вспоминать кровавое месиво, в которое превратились мои ногти, когда я выковыривала ее из приборной панели. Я сорвала с гвоздя старую сумочку, с которой редко ходила, и с треском задвинула дверь.

И тут я услышала, как на улице что-то загудело. Я быстро достала бумажник из школьного рюкзака и сунула его в сумочку. Я так торопилась, словно от этого вечер мог пролететь быстрее. Прежде чем открыть дверь, я посмотрелась в зеркало, осторожно натянув на лицо улыбку и стараясь удержать ее на месте.

– Спасибо, что поехала со мной, – сказала я Джесс, залезая на пассажирское сиденье и пытаясь быть благодарной. Прошло много времени с тех пор, когда я задумывалась над тем, что говорю кому-то, кроме Чарли. С Джесс было труднее. Я толком не знала, какие чувства нужно при ней симулировать.

– Не за что. Ну, и с чего бы это? – поинтересовалась Джесс, когда мы выехали на улицу.

– С чего бы что?

– Почему ты вдруг решила... куда-то выбраться? – Похоже, она на ходу решила изменить вопрос.

Я пожала плечами.

– Просто мне нужно сменить обстановку. – Тут я узнала игравшую по радио песню и быстро потянулась к кнопке настройки. – Можно? – спросила я.

– Давай, крути.

Я пробежалась по станциям, пока не нашла более-менее безобидную. Я украдкой взглянула на Джесс, когда машина наполнилась новой музыкой.

– С каких это пор ты слушаешь рэп? – прищурившись, спросила она.

– Не знаю, – ответила я. – В общем, давно.

– И тебе это нравится? – недоверчиво произнесла она.

– Конечно.

Было бы куда труднее поддерживать с Джессикой нормальное общение, если бы мне пришлось еще и внутренне заглушать музыку. Я закивала головой, надеясь, что попадаю в ритм.

– Ну, ладно... – Она внимательно смотрела сквозь ветровое стекло.

– И как у вас теперь с Майком? – быстро спросила я.

– Ты его видишь чаще, чем я.

Этим вопросом ее разговорить не удалось, а я так надеялась...

– Да на работе особо не общаешься, – пробормотала

я. – Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Да не совсем. Иногда с Коннером куда-нибудь ходим. Две недели назад вот с Эриком встречалась. – Она закатила глаза, и я почувствовала, что она могла бы много чего рассказать. Я ухватилась за эту возможность.

– С Эриком Йорки? И кто кого приглашал?

Она простонала, явно оживляясь.

– Да он, конечно! А я не смогла найти хорошего предлога, чтобы отказаться.

– И куда он тебя повел? – требовала подробностей я, зная, что она примет мое нетерпение за любопытство. – Давай-ка выкладывай все.

Джессика завела свою историю, а я поудобнее расположилась на сиденье. Я внимательно следила за ее рассказом, в нужных местах бормоча сочувственные слова и ахая от ужаса. Закончив с Эриком, она тут же стала сравнивать его с Коннером.

Фильм начинался рано, так что Джесс предложила сходить на первый вечерний сеанс, а потом где-нибудь поесть. Я с радостью соглашалась со всем, чего ей хотелось: в конечном итоге, я получила то, что нужно – чтобы Чарли от меня отстал.

Я не прерывала Джесс, пока та болтала во время рекламных роликов, – так мне было легче от них отвлечься. Однако я начала нервничать, когда начался фильм. По пляжу шла

молодая пара, размахивая руками и с напускной легкостью обсуждая свои нежные чувства друг к другу. Я едва удержалась, чтобы не зажать уши руками и не начать напевать себе под нос. На любовную киношку я не подписывалась.

– По-моему, мы пришли на фильм про зомби, – прошептала я на ухо Джессике.

– Это и есть фильм про зомби.

– А тогда почему никого не едят? – в отчаянии спросила я. Она посмотрела на меня расширенными от удивления глазами, в которых явно читалась тревога.

– Вот увидишь, скоро начнут, – прошептала она.

– Пойду за попкорном. Тебе взять?

– Нет, спасибо.

Сзади на нас кто-то зашикал.

Я задержалась у кафе, глядя на часы и гадая, какая же часть полуторачасового фильма уйдет на романтические объяснения. Я решила, что десяти минут более чем достаточно, но постояла у входа в зал, чтобы убедиться наверняка. Из динамиков я услышала ужасающий вопль и поняла, что можно возвращаться в зал.

– Ты все пропустила, – пробормотала Джесс, когда я вернулась обратно на свое место. – Теперь уже почти все превратились в зомби.

– Очередь большая была. – Я протянула ей попкорн. Она взяла пригоршню.

Остаток фильма состоял из жутких нападений зомби и

бесконечного крика оставшихся в живых людей, чье количество быстро сокращалось. Казалось бы, мне не из-за чего было расстраиваться. Но мне вдруг стало не по себе, и сначала я толком не поняла почему.

Так продолжалось почти до самого конца, когда я увидела свирепого зомби, ковылявшего за дико визжавшей последней оставшейся в живых женщиной. И тут до меня дошло, в чем дело. Сцена представляла собой с нарастающей скоростью перемежавшиеся кадры искаженного ужасом лица героини и мертвой, застывшей маски ее преследователя, все быстрее настигавшего свою жертву. И я поняла, кто из них больше всего напоминает меня.

Я встала.

– Ты куда? Осталась всего пара минут, – прошипела Джессика.

– Пить очень хочется, – пробормотала я и ринулась к выходу.

Я присела на скамейку у выхода из кинотеатра и изо всех сил постаралась не думать о горькой иронии. Но ирония эта, как ни крути, в конце концов, сводилась к тому, что я превращусь в зомби. Вот этого я никак не ожидала.

Не сказать, чтобы я не мечтала стать каким-нибудь мифическим чудовищем, но только не жутким ходячим трупом. Я тряхнула головой, чтобы отогнать от себя эти мысли, и меня охватила легкая паника. Я не могла себе позволить думать о том, о чем когда-то мечтала.

Как же тяжело было осознавать, что я больше не героиня, что моя история закончилась!

Джессика вышла из кинотеатра и остановилась, наверное, раздумывая, где меня искать. Увидев меня, она испытала облегчение, но лишь на секунду, после чего облегчение сменилось раздражением.

– Ты что, испугалась? – удивленно спросила она.

– Да, – кивнула я. – Похоже, я страшная трусиха.

– Вот смех-то, – нахмурилась она. – Я не думала, что ты испугаешься, – это я все время визжала, а вот ты – ни разу. Так что не знаю, почему ты сбежала.

– Да просто испугалась, – пожала я плечами.

Она немного успокоилась.

– Это самый страшный фильм из всех, что я видела. Нам наверняка ночью кошмары приснятся.

– Это уж точно, – согласилась я, стараясь выдерживать обычный тон. Меня-то уж точно ждут кошмары, но зомби тут ни при чем.

Джессика бросила на меня быстрый взгляд и тут же отвела глаза. Может, обычный тон мне не удался?

– Ты где хочешь поесть? – спросила Джесс.

– Мне все равно.

– Ну, ладно.

По дороге Джесс болтала об актере, исполнявшем главную мужскую роль. Я кивала, когда она твердила, какой он классный, похоже, не помня, что видела там и других муж-

чин, а не только зомби.

Я не следила, куда вела меня Джессика. Я лишь смутно заметила, что вокруг стало темнее и тише. И не сразу поняла, почему именно стало тише. Джессика прекратила болтать. Я виновато посмотрела на нее в надежде, что она на меня не обиделась. А потом впервые за все время посмотрела по сторонам.

Мы шли по короткому неосвещенному участку тротуара. Магазины по обеим сторонам улицы уже закрылись до утра, глаза на нас черными витринами. За полквартиры от нас снова начинались фонари, а еще дальше ярко светились золотые полукружья «Макдоналдса», куда вела меня Джессика.

На другой стороне улицы показалось одно работающее заведение. Окна были закрыты изнутри, и в них горела неоновая реклама пивных брендов. Самая большая вывеска представляла собой название бара – «У Одноглазого Пита». Мне стало интересно, оформлен ли он изнутри как пиратский корабль, – снаружи ничего разглядеть было нельзя. Металлическая дверь оказалась приоткрыта, из-за нее на улицу струился неяркий свет, слышался гул голосов и звуки позвякивавших в бокалах кубиков льда. Прислонившись к стене рядом со входом, стояли четверо мужчин.

Я перевела взгляд на Джессику. Она быстро шагала по тротуару, глядя прямо перед собой. Испуганной она не выглядела – просто осторожной, пытающейся не привлекать к

себе внимания.

Я машинально замедлила шаг, оглянувшись на четырех мужчин и испытав при этом сильное дежавю. Другая улица, другой вечер, но обстановка почти такая же. Один из них даже оказался невысоким и смуглым. Когда я остановилась и повернулась к ним, он с интересом посмотрел на меня.

Я уставилась на него, застыв на тротуаре.

– Белла, – прошептала Джесс, – ты что?

Я покачала головой, сама не зная, что делаю.

– По-моему, я их знаю... – пробормотала я.

Что я творю? Мне бы со всех ног бежать от этих воспоминаний, выбросив из головы этих прислонившихся к стенке мужчин, погрузившись в защищавшее меня онемение, без которого я не могла жить. Зачем я, как в тумане, ступила на мостовую?

Казалось, слишком много совпадений было в том, что я оказалась с Джессикой в Порт-Анджелесе на темной улочке. Я впиалась глазами в коротышку, пытаюсь совместить его лицо с воспоминанием о человеке, который угрожал мне той ночью почти год назад. Я гадала, смогу ли опознать мужчину, если это действительно он. Часть того вечера превратилась в размытое пятно. Мое тело помнило его лучше, чем мой разум: напряжение в ногах, когда я решала, то ли бежать, то ли постоять за себя. Сухость в горле, когда я попыталась как следует завизжать. Натянутая кожа на костяшках пальцев, когда я сжала кулаки. Холодок по коже, когда темново-

лосый назвал меня «крошка»...

В этих мужчинах крылась какая-то неясная и неопределенная угроза, не имевшая никакого отношения к той ночи. Она состояла лишь в том, что они были незнакомцами, что здесь темно и их больше, чем нас. Но этого оказалось достаточно, чтобы голос Джессики надломился от страха, когда она крикнула мне вслед:

– Белла, да идем же!

Я не обратила на нее внимания, медленно шагая вперед, и мои ноги словно действовали сами по себе. Я не понимала почему, но туманная угроза, заключавшаяся в этих мужчинах, влекла меня к ним. Это был неосознанный порыв, но я так давно не ощущала вообще никаких порывов... И я последовала ему.

В моих жилах билось что-то незнакомое. Адреналин, поняла я, чуть было не исчезнувший, заставлявший сердце стучать быстрее и сражаться с отсутствием ощущений. Вот ведь странно: откуда адреналин, если я не испытывала страха? Казалось, я слышала эхо того вечера, когда я стояла вот так, на темной улице в Порт-Анджелесе с незнакомцами.

Я не видела никаких причин для страха. Я не могла себе представить, что в мире осталось хоть что-то, чего надо бояться, по крайней мере, физически. Это было одно из немногих преимуществ положения человека, потерявшего все.

Я дошла до середины улицы, когда Джесс догнала меня и схватила за руку.

– Белла! Тебе нельзя в бар! – прошипела она.

– А я туда и не собираюсь, – рассеянно ответила я, стряхнув ее руку. – Просто хочу кое-что посмотреть...

– Ты что, спятила? – прошептала она. – Жить надоело?

Этот вопрос привлек мое внимание, и я впилась в нее глазами.

– Не надоело. – Голос мой звучал дерзко, но это была правда. Даже в самом начале, когда смерть, вне всякого сомнения, принесла бы мне облегчение, я не думала о самоубийстве. Я слишком многим обязана Чарли. И в большом долгу перед Рене. Мне надо было подумать о них. И я пообещала себе не делать ничего глупого или необдуманного. Только из-за этого я до сих пор и дышала.

Вспомнив это обещание, я ощутила больно кольнувшее меня чувство вины, но то, что я сейчас делала, не имело особого значения. Я вовсе не собиралась подносить бритву к запястьям.

Глаза у Джесс округлились, челюсть отвисла. Я слишком поздно поняла, что ее вопрос «Жить надоело?» был риторическим.

– Иди ешь, – успокоила я ее, махнув рукой в сторону фаст-фуда. Мне не нравилось, как она на меня смотрела. – Я тебя скоро догоню.

Я отвернулась от нее, снова вперившись в мужчин, бросающих на меня веселые и любопытные взгляды.

– Белла, прекрати сейчас же!

Я приросла к тому месту, где стояла. Потому что теперь меня остановил вовсе не голос Джессики. Этот другой голос звучал яростно, знакомо и дивно, мягко, словно бархат, хоть и гневно. Это был *его* голос – я очень старалась не произносить его имя даже в мыслях, – и я удивилась, что при его звуках я не упала на колени и не стала биться в конвульсиях на тротуаре. Но боли не было, абсолютно.

Как только я услышала его голос, все сразу прояснилось. Словно я вынырнула из каких-то темных вод. Я остро ощущала все вокруг – зрительные картины, звуки, не замеченный мною раньше холодный ветер, хлеставший меня по лицу, запахи, доносившиеся из открытой двери бара. Я в оцепенении огляделась по сторонам.

– Возвращайся к Джессике, – приказал чудесный голос, который все еще звучал рассерженно. – Ты же обещала – никаких глупостей.

Я была одна. Джессика стояла в нескольких метрах, испуганно таращась на меня. Прислонившиеся к стене незнакомцы растерянно глазели на меня, гадая, что это я делаю, стоя столбом посреди улицы.

Я тряхнула головой, пытаюсь хоть что-то понять. Я знала, что его здесь нет, но все же он находился невероятно близко от меня, близко впервые с... с конца. Злость в его голосе означала беспокойство, та же злость, что когда-то была мне так знакома – и которой я не слышала, казалось, всю жизнь.

– Держи слово. – Голос угасал, словно в приемнике уби-

рали громкость.

Я стала подозревать, что у меня начались галлюцинации. Вызванные, несомненно, воспоминанием, дежавю, странной схожестью ситуаций.

Я быстро прокрутила в голове возможные варианты. Вариант первый: я сошла с ума. Так дилетанты описывают людей, слышащих голоса. Возможно.

Вариант второй: мое подсознание выдавало мне то, что считало для меня желательным. Исполнение желания – мимолетное избавление от боли через принятие ложного посыла, что *ему* не все равно: жива я или умерла. Предположения, что бы он сказал, если бы: а) был здесь и б) его хоть как-то волновало происходящее со мной. Возможно.

Третьего варианта я не нашла, поэтому надеялась, что работает второй вариант и это мое подсознание просто немного съехало с катушек, а не стряслось нечто, из-за чего меня бы срочно требовалось везти в больницу.

Отреагировала я едва ли разумно, хотя и ощутила *благодарность*. Звук его голоса был тем, что я боялась утратить, поэтому я чувствовала себя несказанно благодарной за то, что мое подсознание цеплялось за этот звук куда крепче, чем разум.

Мне нельзя о нем думать. Этот запрет я старалась соблюдать очень строго. Конечно же, я срывалась – я ведь человек. Но мне становилось лучше, и поэтому теперь мне удавалось не испытывать боли по несколько дней подряд. Взамен я по-

лучала полное онемение. Между болью и пустотой я выбрала пустоту.

А теперь я ждала боли. Онемение исчезло – чувства мои необычайно обострились после стольких месяцев пребывания в тумане, – но обычная боль не появлялась. Единственное, что меня беспокоило, – это горькое разочарование от того, что его голос угасал. Настало время выбора.

Умнее всего было бы вырваться из этой потенциально неблагоприятной обстановки, явно чреватой умственным расстройством. Было бы глупо следовать дальнейшим галлюцинациям. Но его голос угасал.

Я сделала еще шаг вперед, чтобы убедиться в этом.

– Белла, повернись, – прорычал он.

Я с облегчением вздохнула. Именно злость я и хотела услышать – ложное, фальшивое свидетельство того, что ему не все равно, сомнительный подарок от моего подсознания.

Прошло всего несколько секунд, пока я в этом разбиралась. Несколько зрителей с любопытством смотрели на меня. Со стороны, наверное, казалось, что я размышляю, подойти к ним или нет. Как они могли догадаться, что я стою и наслаждаюсь неожиданным наплывом безумия?

– Привет, – произнес один из мужчин уверенно и в то же время немного саркастически. Он был светлокожий и светловолосый. Его поза говорила о том, что он считает себя симпатичным. Я не могла определить, так это или нет. У меня предвзятое представление о красоте.

Голос у меня в голове откликнулся слабым рычанием. Я улыбнулась, и уверенный в себе мужчина, похоже, воспринял это как знак одобрения.

– Вам чем-нибудь помочь? Вы, кажется, заблудились, – улыбнулся он и подмигнул мне.

Я осторожно переступила через сточную канаву, где в темноте струилась черная вода.

– Нет, я не заблудилась.

Теперь, подойдя поближе – а зрение у меня стало на удивление зорким, – я всмотрелась в лицо темноволосого коротышки. Оно казалось совершенно незнакомым. Я испытала странное разочарование из-за того, что он оказался не тем злодеем, который пытался убить меня почти год назад. Голос в моей голове смолк.

Коротышка поймал мой взгляд.

– Вас угостить? – неловко предложил он, явно польщенный тем, что взглядом я выбрала его.

– Я недостаточно взрослая для этого, – машинально ответила я.

Он пришел в замешательство, гадая, зачем же я к ним пошла. Я решила объяснить:

– На той стороне улицы мне показалось, что я вас знаю. Извините, я ошиблась.

Угроза, заставившая меня выйти на мостовую, исчезла. Они оказались не теми злодеями, которых я запомнила. Наверное, нормальные ребята. Безобидные. Я потеряла к ним

интерес.

– Ничего страшного, – произнес уверенный в себе блондин. – Присоединяйтесь к нам.

– Спасибо, не могу.

Джессика в нерешительности стояла посреди улицы, глядя на меня выпученными от злости и обиды глазами.

– Ну, всего несколько минут.

Я покачала головой, повернулась и зашагала обратно к Джессике.

– Пойдем поедим, – предложила я, едва взглянув на нее.

– Ты о чем думала? – резко спросила она. – Ты же их не знаешь – а вдруг они психи?

Я пожала плечами, желая, чтобы она поскорее от меня отстала.

– Мне показалось, что я знаю одного из них.

– Какая же ты странная, Белла Свон. У меня такое чувство, что я совсем не знаю, кто ты на самом деле.

– Извини. – Я не знала, что еще на это ответить.

Мы молча шли к «Макдоналдсу». Держу пари, что она жалела, что не проехала короткий путь от кинотеатра на машине, чтобы просто сделать заказ в «МакАвто». Теперь ей так же хотелось, чтобы вечер поскорее закончился, как и мне с самого его начала.

Пока мы ели, я несколько раз пыталась завязать разговор, но Джессика отмалчивалась. Наверное, я сильно ее обидела.

Когда мы сели в машину, она снова настроила приемник

на свою любимую станцию и врубил звук так громко, что поговорить оказалось непросто.

Мне не пришлось напрягаться, как обычно, чтобы не обращать внимания на музыку. И хотя мои мысли наконец избавились от онемения и пустоты, мне было о чем подумать, не вслушиваясь в слова.

Я ждала, пока вернутся онемение или боль. Потому что боль должна была вернуться. Я нарушила установленные мною же правила. Вместо того чтобы гнать от себя воспоминания, я с готовностью шагнула им навстречу. Я так ясно слышала его голос, и за это уж точно придется заплатить. Особенно если мне не удастся вернуть защищавшую меня дымку. Я чувствовала оживление, и это меня пугало. Но облегчение сильнее всего ощущалось во всем теле – облегчение, шедшее из самых глубин моего существа.

Хоть я и пыталась не думать о нем, я не хотела *забыть*. Я терзалась мыслью – во мраке ночи, когда изнуряющая бессонница делала меня беззащитной, – что все безвозвратно исчезает. Что мой разум превращается в решето, и однажды я не смогу вспомнить оттенок его глаз, прикосновение его прохладной кожи или тембр его голоса. Я не могла о них *думать*, но я должна их *запомнить*. Чтобы жить, я должна верить, знать, что он существует. И все. Остальное я вынесу. Пока он существует.

Вот почему я привязалась к Форксу сильнее, чем когда-либо раньше, вот поэтому сцепилась с Чарли, когда тот

предложил сменить обстановку. Но, если честно, это вряд ли имело значение: он, конечно же, не собирался сюда возвращаться.

Но если бы я отправилась в Джексонвилл или в какое-то другое незнакомое солнечное место, как я могла быть уверена, что он реален? Там, где я никогда не смогла бы его себе представить, моя вера поколебалась бы... а вот этого я бы не пережила. Невозможно вспоминать, нельзя забывать – вот такая тонкая грань.

Я удивилась, когда Джессика остановила машину у моего дома. Ехали мы недолго, но я бы никогда не подумала, что она сможет проехать столько времени, не произнеся ни слова.

– Спасибо тебе за компанию, Джесс, – сказала я, открывая свою дверь. – Было очень... весело. – Мне показалось, что слово «весело» подходило больше всего.

– Конечно, – пробормотала она.

– Ты извини за... ну, после фильма.

– Да ничего, Белла. – Она злобно уставилась в ветровое стекло, вместо того чтобы посмотреть на меня. Похоже, она не успокоилась, а наоборот, еще больше рассердилась.

– Тогда до понедельника?

– Да. Пока.

Я сдалась и захлопнула дверь. Она уехала, так и не посмотрев на меня. Я забыла о ней, не успев войти в дом.

Чарли ждал меня посреди коридора, сложив на груди сжа-

тые в кулаки руки.

– Привет, пап, – рассеянно бросила я, проскользнув мимо него к лестнице. Я так долго думала о *нем*, и мне хотелось оказаться наверху, прежде чем меня накроет волной.

– Где ты была? – строго спросил Чарли.

Я удивленно посмотрела на отца.

– Ходила с Джессикой в кино в Порт-Анджелесе. Я же утром тебе говорила.

– Хм, – пробурчал он.

– Так нормально?

Он уставился на меня, выпучив глаза, словно увидел что-то неожиданное.

– Да, нормально. Ты довольна?

– Конечно, – ответила я. – Мы смотрели, как зомби поедает людей. Просто класс.

Глаза его сузились.

– Спокойной ночи, пап!

Он отступил в сторону, и я бросилась к себе в комнату. Через несколько минут, когда я лежала на кровати, покоровшись судьбе, наконец явилась боль.

Меня охватило ужасное ощущение, словно в груди образовалась дыра, через которую у меня вырывали органы, оставляя рваные, незаживающие раны, продолжавшие зудеть и кровоточить, несмотря на течение времени. Я осознавала, что легкие по-прежнему на месте, но все же ловила ртом воздух, а голова кружилась. Все мои усилия пошли на-

смарку. Сердце, наверное, тоже колотилось, но я не слышала его грохота в ушах; руки у меня посинели от холода. Я свернула калачиком, сжав руками ребра, чтобы не рассыпаться. Я ждала, когда вернется онемение, отрицание всего, но оно не приходило.

И все же я поняла, что выживу. Я оставалась в сознании, чувствовала боль – зудящий поток, вытекавший у меня из груди, отдававшийся пульсацией в голове, руках и ногах, – но боль была терпимой. Я могла ее пережить. Это была не та боль, что стихает со временем, но, может, я стала сильнее, чтобы ее вынести.

Что бы ни случилось этим вечером – зомби, всплеск адреналина или же галлюцинации – это пробудило меня к жизни. Впервые за долгое время я не знала, чего ждать утром.

Глава 5

Обманщица

– Белла, может, ты пойдешь домой? – предложил Майк, глядя не на меня, а куда-то в сторону.

Мне стало интересно, сколько же это продолжалось, прежде чем я заметила.

День в магазине Ньютонов выдался довольно спокойный. В этот момент там находились лишь два постоянных покупателя, судя по разговору – любители пешего туризма. Весь последний час Майк дотошно разъяснял им достоинства и недостатки двух видов облегченных рюкзаков. Однако они отвлеклись от покупки и принялись соревноваться в том, чья туристская история окажется лучшей. Это позволило Майку отойти от них.

– Я могла бы и остаться, – ответила я. Я так и не смогла погрузиться в свою защитную оболочку из онемения, и сегодня мне все казалось до странности навязчивым и громким, словно я вытащила вату из ушей. Я безуспешно пыталась отвлечься от смеха туристов.

– Говорю же тебе, – настаивал коренастый мужчина с огненно-рыжей бородой, контрастировавшей с его темно-каштановой шевелюрой. – Я очень близко видел медведей гризли в парке Йеллоустоун, и они вообще не были похожи на

этого зверя.

Волосы у него были спутаны, а одежда выглядела так, будто он не снимал ее несколько дней – только-только спустился с гор.

– Да ничего подобного. Черные медведи такие здоровые не вырастают. Ты, наверное, видел медвежат гризли.

Второй турист был высоким и худощавым, с загорелым лицом, обветренным настолько, что на нем образовалась тонкая корка.

– Seriously, Белла, как только эти двое закончат, я закрою магазин, – пробормотал Майк.

– Если ты хочешь, чтобы я ушла... – проговорила я.

– Да он на четырех лапах был выше тебя, – не унимался бородатый, пока я принялась собирать вещи. – Здоровый, как дом, и черный, как смоль. Я расскажу о нем местному лесничему. Людей надо предупредить – это же, заметь, было не в горах, а в нескольких километрах от того места, где начинаются туристские тропы.

Загорелый рассмеялся и поднял глаза к потолку.

– Дай-ка угадаю. Ты возвращался из похода, так? С неделю не ел и не спал по-человечески, верно?

– Эй, Майк, что скажешь? – спросил бородатый, взглянув на нас.

– До понедельника, – пробормотала я.

– Да, сэр, – ответил Майк, отворачиваясь от меня.

– Послушай, в последнее время не было оповещений о

черных медведях?

– Нет, сэр. Но никогда не помешает обходить их стороной и правильно хранить пищу. Вы видели новые, защищенные от атаки зверей контейнеры? Каждый весит всего восемьсот граммов...

Я открыла дверь и вышла под дождь. Съездившись под курткой, бросилась к своему пикапу. Дождь необычайно громко барабанил по капюшону, но вскоре рев двигателя заглушил все остальные звуки.

Мне не хотелось возвращаться в пустой дом Чарли. Прошлая ночь выдалась особенно тяжелой, и я не испытывала ни малейшего желания вновь оказаться в том месте, где меня одолевали мучения. Даже когда боль чуть отступила, дав мне уснуть, она не исчезла совсем. Как я и сказала Джессике после фильма, можно было не сомневаться, что у меня начнутся кошмары.

Теперь они снились мне каждую ночь. Вообще-то не кошмары, не во множественном числе – меня преследовал всегда *один и тот же* кошмар. За столько месяцев я могла бы к нему привыкнуть и не воспринимать всерьез, но он по-прежнему повергал меня в ужас и заканчивался лишь тогда, когда я с криком просыпалась. Чарли больше не заходил ко мне узнать, что случилось, и убедиться, что меня не душит вор или кто-нибудь еще, – он к этому тоже уже привык.

Кошмар мой, наверное, никого больше и не испугал бы. Никто не бросался на меня с криком «Бу!». Не было ника-

ких зомби, призраков или психопатов. Ничего такого. Вообще ничего. Просто бесконечное нагромождение деревьев с поросшими мхом стволами и тишина – такая глубокая, что давила на барабанные перепонки. Темно было, как в сумерках в пасмурный день: света ровно столько, чтобы убедиться, что ничего нельзя разглядеть. Я бежала в полумраке, не разбирая дороги, искала, искала и с каждой секундой все больше отчаивалась, старалась двигаться быстрее, хотя от скорости у меня заплетались ноги... Потом во сне наступал момент – я чувствовала, что он надвигается, но, похоже, никак не могла проснуться до его наступления, – когда я не могла вспомнить, что же я ищу. Когда понимала, что искать нечего и я ничего не найду. Что никогда ничего не было, кроме этого жуткого пустого леса, и больше меня ничто не ждет... пустота, одна лишь пустота... И вот тут я обычно начинала кричать.

Я не обращала внимания на то, куда веду машину, – просто ехала по пустым, залитым дождем проулкам, избегая дорог, которые приведут меня к дому, – потому что мне некуда было ехать. Как же я жалела, что меня не охватывает онемение, но не могла припомнить, как мне раньше удавалось его вызывать. Кошмар неотступно преследовал меня и заставлял думать о том, что причинит мне боль. Мне не хотелось вспоминать лес. Даже когда я гнала от себя эти образы, я чувствовала, как мои глаза наполняются слезами и боль просыпается по краям дыры у меня в груди. Я сняла руку с руля

и прижала ее к грудной клетке, чтобы та не развалилась на части.

Все будет так, словно я никогда не существовал. Эти слова крутились у меня в голове, однако без четкой ясности вчерашней галлюцинации. Это были просто слова, беззвучные, как шрифт на бумаге. Просто слова, но они разбередили рану, и я ударила по тормозам, зная, что нельзя вести машину, пока все это продолжается.

Я скорчилась, прижавшись лицом к рулю и пытаюсь дышать как можно реже и тише. Я гадала, сколько же это может продлиться. Возможно, когда-нибудь, через много лет, если боль утихнет настолько, что станет терпимой, я смогу оглянуться назад на те несколько коротких месяцев, которые навсегда останутся лучшими в моей жизни. И если вдруг боль уймется настолько, что позволит мне это сделать, уверена, что буду испытывать благодарность за все то время, что он мне посвятил. Это было больше того, о чем я просила, и больше, чем я заслужила. Может, когда-нибудь я взгляну на это именно так.

Но что, если дыра никогда не заживет? Если ее рваные края никогда не срастутся? Если боль неотступна и необратима?

Я постаралась взять себя в руки. *Словно он никогда не существовал*, в отчаянии подумала я. Что за глупое и невыполнимое обещание! Он мог украсть мои фотографии и забрать свои подарки, но это неспособно вернуть все к состоя-

нию до того, как я его встретила. Физические свидетельства были самой незначительной частью уравнения. Я *сама* изменилась, мое внутреннее естество трансформировалось до неузнаваемости. Даже внешне я выглядела иначе: из-за кошмаров мое лицо стало землисто-серым с лиловыми кругами под глазами. Глаза потемнели и выделялись на бледной коже. Будь я красивой, на расстоянии могла бы даже сойти за вампира. Но красивой я не была и больше, наверное, походила на зомби.

Словно он никогда не существовал? Это же безумие. Это же обещание, которое он никогда бы не сдержал, обещание, нарушенное сразу же, как только он его дал.

Я ударилась головой о руль, пытаюсь отвлечься от еще более острой боли. Я чувствовала, что сделала глупость, стараясь сдержать обещание. Есть ли какая-то логика в том, чтобы соблюдать соглашение, уже нарушенное другой стороной? Кому какое дело до того, что я веду себя безрассудно? Нет никаких причин избегать безрассудства, нет никаких причин не делать глупости.

Я горько рассмеялась, все еще хватая ртом воздух. Безрассудство в Форксе – какая же это все-таки глупость!

Черный юмор немного развлек меня и отвлек от боли. Дыхание выровнялось, и я смогла откинуться на спинку сиденья. Хотя сегодня было прохладно, на лбу у меня выступил пот.

Я сосредоточилась на своем безнадежном послы, что-

бы снова не предаваться мучительным воспоминаниям. Для безрассудства в Форксе потребуется масса креатива – возможно, больше, чем я способна проявить. Но мне хотелось найти какой-нибудь способ. Может, мне станет легче, если я перестану в одиночестве цепляться за нарушенное соглашение. И отступлю от клятвы. Но как я смогу этого добиться в нашем безобидном городке? Конечно, Форкс не всегда был таким тихим, но теперь создавалось противоположное впечатление. Здесь безопасно и очень скучно.

Я долго смотрела сквозь лобовое стекло, мысли мои лениво плелись вперед – похоже, я не могла направить их в какое-то русло. Я заглушила двигатель, который начал жалобно постанывать, долго проработав на холостом ходу, и вышла под морозящий дождик.

Холодная изморось впилась мне в волосы, а потом потекла по щекам, словно слезы. Это помогло собраться с мыслями. Я сморгнула капли с ресниц и безучастно взглянула на противоположную сторону дороги.

Спустя минуту я узнала, где нахожусь, – я остановилась посреди северной части Расселл-авеню. Я припарковалась прямо перед домом семьи Чини – мой пикап закрывал им выезд, – а через дорогу жили Марксы. Я знала, что мне надо переставить машину и поскорее ехать домой. Нельзя рассказывать по Форксу куда глаза глядят, став угрозой для других водителей. К тому же скоро меня заметят и доложат Чарли.

Я сделала глубокий вдох, готовясь снова двинуться в путь,

но тут заметила табличку во дворе у Марксов – просто лист картона, прислоненный к столбику под почтовым ящиком, с нацарапанными на нем большими черными буквами.

Иногда на сцену выходит фатум. Совпадение? Или же это должно было случиться? Я не знала, но казалось глупым думать, что все предрешиено, что ржавеющие у Марксов во дворе мотоциклы-развалюхи и написанное от руки объявление «ПРОДАЮТСЯ КАК ЕСТЬ» несли какой-то высший смысл, оказавшись именно там, где и я. Так что, может, это и не фатум. Возможно, просто есть способы вести себя безрассудно, а мне пришлось лишь разглядеть их.

Безрассудство и глупость. Это были два любимых слова Чарли для характеристики мотоциклистов. Работа Чарли включала массу обязанностей, которые полицейские выполняли в больших городах, но его кроме того вызывали на дорожные аварии. В них не было недостатка на длинном, мокром и извилистом лесном шоссе с массой слепых поворотов. Но даже после столкновения с неповоротливым лесовозом, натужно преодолевавшим поворот, большинство людей оставались живы. Исключением из этого правила почти всегда становились мотоциклисты, и Чарли немало повидал этих несчастных, в подавляющем большинстве молодых ребят, размазанных по асфальту. Мне не было еще и десяти лет, когда он заставил меня дать ему слово, что я никогда не соглашусь прокатиться на мотоцикле. Даже в том возрасте я никогда не раздумывала, прежде чем дать обещание. Кому

здесь захочется разъезжать на мотоцикле? Это все равно, что принимать ванну на скорости девяносто километров в час.

Я сдержала так много обещаний...

И тут у меня в голове все сошлось. Мне захотелось быть глупой и безрассудной, захотелось нарушать обещания. Так почему только одно?

Именно так я думала, направляясь под дождем к входной двери Марксов. Я позвонила, дверь открыл один из их сыновей – младший, девятиклассник. Я не помнила, как его зовут. Его белокурая голова доходила мне до плеча. А вот он без труда вспомнил мое имя.

– Белла Свон? – удивился он.

– Сколько вы хотите за мотоциклы? – выдохнула я, большим пальцем показав через плечо на объявление.

– Ты это серьезно? – недоверчиво спросил он.

– Конечно, серьезно.

– Они не на ходу.

Я нетерпеливо вздохнула: об этом я уже догадалась по надписи.

– Так сколько?

– Если и правда нужны, то бери так. Мама заставила папу выкатить их к дороге, чтобы их забрали вместе с мусором.

Я снова взглянула на мотоциклы и заметила, что они стоят, прислонившись к куче садового мусора и обрезанных веток.

– А ты уверен?

– Ну да, хочешь сама ее спросить?

Наверное, лучше было не вмешивать в это дело взрослых, которые могли сболтнуть об этом Чарли.

– Да нет, верю.

– Помочь? – предложил он. – Они тяжелые.

– Ладно, спасибо. Хотя мне нужен один.

– Можешь забирать оба, – сказал мальчишка. – Вдруг на запчасти сгодятся.

Он вышел за мной под дождь и помог мне погрузить оба мотоцикла в пикап. Похоже, он очень хотел от них избавиться, так что я не возражала.

– Так что же ты хочешь с ними сделать? – спросил он. – Они уже много лет не на ходу.

– Ну, это я поняла. – Я пожала плечами. Мой мимолетный каприз еще не перерос в четкий план. – Может, отвезу их к Дуулингу.

– Дуулинг сдерет за ремонт дороже, чем они стоили, когда ездили, – фыркнул он.

Вот с этим не поспоришь. Джон Дуулинг снискал себе определенную репутацию своими грабительскими ценами, и к нему обращались лишь в случае крайней необходимости. Большинство предпочитало ехать в Порт-Анджелес, если машина могла до него дотянуть. В этом смысле мне очень повезло: когда Чарли подарил мне пикап, я переживала, что не смогу позволить себе поддерживать его на ходу. Но с ним у меня никогда не возникало проблем, кроме ревущего дви-

гателя и встроенного ограничителя скорости до восьмидесяти километров в час. Джейкоб Блэк содержал пикап в образцовом порядке, когда тот принадлежал его отцу Билли...

И тут на меня снизошло озарение, внезапно, как удар молнии, – что было вполне логично, если учесть, что прошла гроза.

– Знаешь что? Все нормально. Я знаю кое-кого, кто чинит машины.

– Ой, вот это хорошо, – с облегчением улыбнулся парнишка.

Когда я уезжала, он помахал мне рукой, все еще улыбаясь. Славный малый.

Теперь я ехала быстро, следуя определенной цели – попасть домой прежде, чем мог вернуться Чарли, даже если предположить почти невозможное, что он пораньше уйдет с работы. Я ринулась через весь дом к телефону, продолжая сжимать в руке ключи от машины.

– Начальника полиции Свона, пожалуйста, – сказала я, когда трубку снял его помощник. – Это Белла.

– О, привет, Белла, – дружелюбно отозвался Стив. – Пойду его позову.

Я стала ждать.

– Что случилось, Белла? – строго спросил Чарли, подойдя к телефону.

– Разве нельзя позвонить тебе на работу просто так, без происшествий?

Несколько секунд он молчал.

– Ты мне никогда раньше не звонила просто так. Так что-то случилось или нет?

– Нет. Я просто хотела узнать, как проехать к Блэкам, – не уверена, что помню дорогу. Хочу увидеться с Джейкобом. Уже давно к нему не заезжала.

Когда Чарли снова заговорил, его голос звучал куда добродушнее.

– Прекрасная мысль, Беллз. Ручка у тебя есть?

Он просто и понятно объяснил мне, как туда проехать. Я заверила его, что к ужину вернусь, хотя он и пытался сказать мне, чтобы я не спешила. Ему хотелось подъехать ко мне в Ла-Пуш, на что я никак не могла согласиться. Так что времени у меня было в обрез, и я слишком быстро понеслась по потемневшим от грозы городским улицам. Я надеялась застать Джейкоба одного. Билли, наверное, все бы рассказал отцу, если бы знал, что я задумала.

Я немного беспокоилась, как Билли отреагирует на мой визит. Наверняка он будет очень доволен. Несомненно, по мнению Билли, все складывалось даже лучше, чем он смел надеяться. Его удовольствие и любезность лишь напомнят мне о том, о ком мне было невыносимо вспоминать. *Только не опять и не сегодня*, мысленно взмолилась я. Я почти выдохлась.

Показался смутно знакомый дом Блэков – небольшое деревянное строение с узкими окнами, выкрашенное теперь

уже поблекшей красной краской, что делало его похожим на маленький амбар. Голова Джейкоба показалась в окошке, не успела я даже вылезти из пикапа. Несомненно, знакомый рев двигателя возвестил ему о моем приближении. Джейкоб был очень благодарен Чарли, когда тот купил для меня пикап Билли, тем самым избавив его самого от необходимости ездить на нем, когда ему исполнится восемнадцать. Пикап мне очень нравился, однако Джейкоб, похоже, считал ограничение скорости большим недостатком.

Он встретил меня на полпути к дому.

– Белла! – Лицо его расплылось в широкой дружелюбной улыбке, а белые зубы ярко сверкали на фоне коричневатой-красной кожи. Я раньше никогда не видела его волосы не убранными в аккуратный хвост. Теперь они обрамляли его широкое лицо, словно черные атласные занавеси.

За последние восемь месяцев Джейкоб довольно сильно возмужал. Он прошел тот этап, когда мягкие ребячьи мышцы наливаются силой и обтягивают прочную и долговязую фигуру подростка. Под красновато-коричневой кожей рук начали проступать жилы и сухожилия. Лицо у него было по-прежнему милым, каким я его помнила, хотя оно тоже возмужало: скулы сделались рельефнее, подбородок квадратнее, а ребяческая округлость исчезла.

– Привет, Джейкоб! – Я почувствовала необычное воодушевление при виде его улыбающегося лица. Я поняла, что рада его видеть. И это меня удивило. Я улыбнулась в ответ и

почувствовала, как что-то безмолвно щелкнуло, словно сошлись два кусочка паззла. Я и забыла, как же мне на самом деле нравится Джейкоб Блэк.

Он остановился в паре метров от меня, и я удивленно посмотрела на него, откинув голову, хотя дождь барабанил по моему лицу.

– Ты снова подрос! – ошеломленно воскликнула я, словно обвиняя его в этом.

Джейкоб рассмеялся и улыбнулся еще шире.

– Метр девяносто три, – довольно объявил он.

– Ты когда-нибудь остановишься? – Я недоверчиво покачала головой. – Вон какой вымахал.

– А все как жердь, – поморщился он. – Заходи в дом! Не то вся промокнешь. – Он повел меня к входной двери, на ходу приглаживая волосы. Потом достал из кармана резинку и стянул их в хвост.

– Эй, пап! – позвал он, наклоняясь, чтобы пройти в дверь. – Посмотри, кто к нам приехал.

Билли сидел в небольшой квадратной гостиной, держа в руках книгу. Увидев меня, он положил ее на колени и подвинулся в своей коляске.

– Вот это гостя! Рад тебя видеть, Белла.

Мы пожали друг другу руки. Моя ладонь утонула в его огромной лапище.

– Каким ветром к нам? С Чарли все в порядке?

– Да, в полном. Захотелось на Джейкоба посмотреть – сто

лет его не видела.

При этих словах глаза Джейкоба сверкнули. Он так широко улыбался, что, похоже, у него наверняка заболят щеки.

– Может, останешься поужинать? – радушно пригласил Билли.

– Нет, вы же знаете, мне надо кормить Чарли.

– Да я ему сейчас позвоню, – предложил Билли. – Он здесь всегда желанный гость.

Я рассмеялась, чтобы скрыть волнение.

– Как будто вы меня больше никогда не увидите. Обещаю, что скоро вернусь, и не раз, так что еще успею вам надоесть.

В конце концов, если Джейкоб сможет починить мотоцикл, кто-то ведь должен научить меня на нем ездить.

Билли хмыкнул в ответ.

– Ладно, может, в другой раз.

– Ну, Белла, чем хочешь заняться? – спросил Джейкоб.

– Да чем угодно. Что ты делал, пока я не появилась?

Здесь мне было до странности хорошо. Все оказалось знакомым, но как-то отдаленно. Никаких тебе горьких напоминаний о недавнем прошлом.

Джейкоб замялся.

– Я тут собирался в машине покопаться, но можем еще что-нибудь придумать...

– Нет, все нормально, – оборвала его я. – Здорово было бы посмотреть на твою машину.

– Ла-а-адно, – протянул он как-то неубедительно. – Она

на заднем дворе, в гараже.

Куда уж лучше, подумала я и помахала Билли.

– До встречи.

От дома гараж отделяла плотная цепь деревьев и кустарников. Он представлял собой два больших соединенных вместе сарая со снесенными внутренними стенами. Под крышей на шлакоблоках стоял, как мне показалось, вполне исправный автомобиль. По крайней мере, я узнала эмблему на решетке радиатора.

– Это какой «Фольксваген»? – спросила я.

– Старый «гольф» восемьдесят шестого года, классика.

– Ну, и как с ним дела?

– Почти готов, – весело ответил Джейкоб и понизил голос. – Отец сдержал обещание, которое дал прошлой весной.

– Ага-а-а.

Кажется, он понял, что я не хочу развивать эту тему. Я пыталась не вспоминать школьный бал в мае прошлого года. Билли тогда задобрил Джейкоба деньгами и запчастями, чтобы тот передал мне записку. В ней Билли убеждал меня держаться на безопасном расстоянии от самого важного человека в моей жизни. В конечном итоге оказалось, что все его опасения были напрасны. Я теперь в полной безопасности, даже слишком полной. Но я собиралась подумать, как это изменить.

– Джейкоб, а что ты знаешь о мотоциклах? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Кое-что знаю. У моего друга Эмбри есть спортивный мотоцикл. Иногда мы доводим его до ума. А что?

– Ну... – Я надула губы, размышляя. Я не была уверена, сможет ли он держать язык за зубами, но других вариантов у меня не было. – Я тут недавно разжилась парочкой мотоциклов, хотя состояние у них не очень. Интересно, смог бы ты ими заняться?

– Круто. – Эта перспектива его явно воодушевила. Лицо у него прямо расцвело. – Можно попробовать.

Я предостерегающе подняла указательный палец.

– Только штука в том, – объяснила я, – что Чарли просто волком смотрит на мотоциклы. Если честно, его наверняка кондрашка хватит, если он об этом узнает. Так что Билли говорить ничего нельзя.

– Конечно, конечно, – улыбнулся Джейкоб. – Понимаю.

– Я тебе заплачу, – продолжила я.

Эти слова здорово его обидели.

– Нет. Я же помочь хочу. Не надо мне платить.

– Ну... тогда давай договоримся, идет? – Я импровизировала на ходу, но все выглядело вполне правдоподобно. – Мне нужен один мотоцикл – плюс уроки вождения. Ну так как? Я отдаю тебе второй мотоцикл, а ты меня научишь ездить.

– Кла-асс, – мечтательно протянул он, произнося это слово в два слога.

– Погоди-ка секунду – тебе ездить-то можно? Когда у тебя день рождения?

– Ты его пропустила, – подначил он меня, нахмурившись от напускного негодования. – Мне уже шестнадцать.

– Хотя возраст тебя и раньше не очень-то останавливал, – пробормотала я. – Извини за день рождения.

– Да ладно тебе. Я же твой тоже пропустил. Тебе сколько – сорок?

– Вроде того, – фыркнула я.

– Тогда устроим совместную вечеринку и отпразднуем.

– Похоже, что меня приглашают на свидание. Ладно, заметано.

При этих словах глаза его сверкнули. Надо чуть сбавить градус, прежде чем он не совсем правильно меня поймет: похоже, я уже сто лет не чувствовала себя такой бодрой и жизнерадостной. Из-за странности этого ощущения мне было трудно его обуздать.

– Когда закончим с мотоциклами – это и будут наши подарки, – добавила я.

– Годится. Когда ты их привезешь?

Я смущенно закусила губу.

– Они у меня в пикапе, – призналась я.

– Вот и отлично. – Похоже, он говорил искренне.

– А Билли заметит, как мы закатим их в гараж?

– А мы осторожно. – И он подмигнул.

Мы неторопливо зашли с востока, прижимаясь к деревьям, когда нас было видно из окон, и на всякий случай делая вид, что неспешно прогуливаемся. Джейкоб быстро вы-

грузил мотоциклы из пикапа и один за другим закатил их в кусты, где пряталась я. Прodelал он все это как-то очень легко – я помнила, что мотоциклы очень тяжелые.

– А они вроде даже очень ничего, – одобрительно заметил Джейкоб, пока мы толкали их к гаражу за занавесой деревьев. – Вот за этот можно будет даже что-то получить, когда я с ним закончу, – это старый «Харлей-спринт».

– Вот и оставь его себе.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Хотя придется немного раскошелиться, – произнес он и хмуро посмотрел на почерневший металл. – Сперва придется потратиться на запчасти.

– Ничего не придется, – возразила я. – Если ты бесплатно их отремонтируешь, я заплачу за запчасти.

– Ну, не знаю, – пробормотал он.

– У меня кое-что отложено. На колледж, сам понимаешь.

Колледж, шмолледж, подумала я. Похоже, не очень-то много я отложила, чтобы отправиться в стоящее место. К тому же мне вообще не хотелось уезжать из Форкса. Какая разница, если я слегка урежу неприкосновенный запас?

Джейкоб лишь кивнул. Все это казалось ему вполне логичным.

Пока мы крались обратно к импровизированному гаражу, я размышляла, как же мне повезло. Только подросток согласился бы на такое: обманывать родителей, ремонтируя

«убийц на колесах» на деньги, предназначенные для оплаты колледжа. В этом он не видел ничего предосудительного. Джейкоб был просто даром богов.

Глава 6

Друзья

Мотоциклы особо прятать не пришлось – мы просто поставили их в сарай Джейкоба. Инвалидная коляска Билли не смогла бы одолеть неровный участок земли, отделявший гараж от дома.

Джейкоб сразу же начал разбирать первый мотоцикл – красный, предназначавшийся для меня. Он открыл пассажирскую дверь «гольфа», чтобы я могла устроиться на его сиденье, а не на земле. За работой Джейкоб весело болтал, и хватало моих редких поддакиваний, чтобы поддерживать разговор. Он подробно рассказывал мне, как у него идет учеба в десятом классе, какие у них предметы, а также о двух своих лучших друзьях.

– Квил и Эмбри? – перебила я. – Вот ведь необычные имена.

Джейкоб хмыкнул.

– Имя Квил передается от старшего к младшему, а Эмбри, по-моему, назвали в честь звезды какой-то мыльной оперы. Хотя точно сказать не могу. Если начать подкалывать их насчет имен, они сразу начинают петушиться и вдвоем могут заклевать кого угодно.

– Хорошие у тебя друзья. – Я подняла бровь.

– Да нет, нормальные ребята. Только насчет имен лучше их не цеплять.

И вот тут вдали раздался голос.

– Джейкоб! – крикнул кто-то.

– Это Билли? – спросила я.

– Нет. – Джейкоб пригнул голову и, казалось, покраснел под коричневым загаром. – Как говорится, – пробормотал он, – легки на помине.

– Джейк, ты здесь? – крикнули уже ближе.

– Да! – отозвался Джейкоб и вздохнул.

Мы молча подождали, пока из-за угла сарая не появились двое высоких смуглых парней. Один из них был стройный и такой же высокий, как Джейкоб. Расчесанные на прямой пробор волосы доходили ему до основания шеи, слева они были заправлены за ухо, а справа свободно свисали. Второй парень был пониже и поплотнее, его белая футболка натянулась на широкой мускулистой груди, и казалось, это доставляло ему искреннее удовольствие. Волосы у него были очень короткие, почти «ежик».

Увидев меня, они резко остановились. Худощавый парень быстро перевел взгляд с Джейкоба на меня и обратно, а мускулистый смотрел на меня, и лицо его медленно расплывалось в улыбке.

– Привет, ребята, – вяло поздоровался с ними Джейкоб.

– Привет, Джейк, – произнес тот, что пониже, не отрывая от меня глаз. Мне пришлось улыбнуться в ответ на его ши-

рокую ухмылку.

– Квил, Эмбри, это моя подруга Белла.

Квил и Эмбри (я не знала, кто из них кто) обменялись многозначительными взглядами.

– Дочка Чарли, верно? – спросил меня мускулистый парень, протягивая руку.

– Именно, – кивнула я, пожимая ее. Рукопожатие у него было твердое, похоже, в этот момент он напряг бицепс.

– Я – Квил Атеара, – торжественно объявил он, выпуская наконец мою руку.

– Рада познакомиться, Квил.

– Привет, Белла. А я Эмбри, Эмбри Колл, – хотя ты, наверное, уже сама догадалась. – Он смущенно улыбнулся и помахал мне рукой, которую потом сунул в карман джинсов.

– Рада знакомству, – кивнула я.

– Ну, и чем вы тут занимаетесь? – поинтересовался Квил, все еще глядя на меня.

– Мы с Беллой собираемся поставить эти мотоциклы на колеса, – расплывчато объяснил Джейкоб. Но, казалось, волшебным ключевым словом стали «мотоциклы». Ребята стали рассматривать работу Джейкоба, засыпая его вопросами. Я слышала множество незнакомых мне слов и поняла, что мне не хватает игрек-хромосомы, чтобы разделить их радостное возбуждение.

Они продолжали увлеченно обсуждать узлы и агрегаты, и я решила, что мне пора домой, пока сюда не нагрянул Чарли.

Вздохнув, я осторожно вылезла из «гольфа».

Джейкоб виновато посмотрел на меня.

– Тебе с нами скучно?

– Не-а, – ответила я, ничуть не соврав. Мне было очень хорошо, вот ведь странно. – Надо готовить Чарли ужин.

– Ой... ну, я сегодня вечером закончу их разбирать и прикину, что может еще понадобится, чтобы довести их до ума. Когда ты хочешь снова ими заняться?

– А можно я приеду завтра?

Воскресенья были для меня сущим наказанием: никогда не находилось достаточно домашних дел, чтобы занять меня целиком.

Квил толкнул Эмбри под локоть, и они обменялись улыбками.

– Это будет просто классно! – просиял Джейкоб.

– Если составишь список, можем поехать покупать запчастей, – предложила я.

Джейкоб немного смутился.

– Я вот все думаю, что не надо бы мне позволять тебе за все это платить.

– И думать забудь, – покачала я головой. – Финансирование проекта на мне. А за тобой – только работа и консультации эксперта.

Эмбри закатил глаза, взглянув на Квила.

– Нет, что-то тут не так, – замотал головой Джейкоб.

– Джейк, а если бы я отвезла их к механику, сколько бы

он с меня взял? – поинтересовалась я.

– Ну ладно, договорились, – улыбнулся он.

– Не говоря уже об уроках вождения, – добавила я.

Квил широко улыбнулся Эмбри и что-то ему прошептал, но я не расслышала. Джейкоб взмахнул рукой и отвесил Квилу подзатыльник.

– Все, разойдись, – пробормотал он.

– Нет-нет, ребята, это мне пора идти, – запротестовала я. – До завтра, Джейкоб.

Едва скрывшись из виду, я услышала, как Квил и Эмбри хором выдали:

– Ух ты!

Затем последовала недолгая возня, перемежаемая возгласами «Ой!» и «Эй!».

– Если завтра хоть кто-то из вас посмеет ступить на мою землю... – донесся угрожающий голос Джейкоба. Последних слов я не разобрала, уже шагая между деревьями.

Я негромко захихикала и, осознав это, от удивления вытаращила глаза. Я смеялась, смеялась по-настоящему, а на меня никто не смотрел. Я почувствовала удивительную легкость и снова расхохоталась, чтобы продлить это ощущение.

Я успела вернуться домой раньше, чем Чарли. Когда он вошел, я как раз снимала со сковородки жареную курицу и укладывала ее на стопку бумажных полотенец.

– Привет, пап! – Я широко ему улыбнулась.

На лице его мелькнуло изумление, граничившее с шоком,

но он тут же взял себя в руки.

– Привет, дорогая, – неуверенно произнес он. – Весело было у Джейкоба?

Я начала накрывать на стол.

– Да, очень.

– Ну, это хорошо, – по-прежнему осторожно сказал он. – И чем вы занимались?

Теперь настала моя очередь проявить осторожность.

– Я сидела у него в гараже и смотрела, как он работает. Ты знал, что он реставрирует старый «Фольксваген»?

– Да, по-моему, Билли что-то об этом говорил.

Чарли начал жевать, поэтому ему пришлось прекратить допрос, но он продолжал вглядываться в мое лицо, пока ел.

После ужина я немного задержалась на кухне, дважды там прибравшись, а потом не торопясь сделала уроки в соседней комнате, пока Чарли смотрел хоккей. Я выжидала, сколько могла, но Чарли наконец сказал, что уже поздно. Когда я не ответила, он встал, потянулся и вышел, погасив за собой свет. Я неохотно последовала за ним.

Поднимаясь по лестнице, я чувствовала, как меня покидают последние капли бурной радости жизни, которую я испытала днем, сменяясь зудящим страхом при мысли о том, что мне вскоре придется пережить.

Онемения я больше не ощущала. Сегодняшняя ночь, несомненно, будет такой же жуткой, как и прошлая. Я улеглась на кровать и свернулась калачиком, приготовившись к

натиску кошмаров. Я крепко зажмурила глаза, и следующим, что я увидела, было... утро.

Впервые за четыре с лишним месяца я спала без снов. Без снов и кошмаров. Я не могла определить, какое чувство преобладало – облегчение или шок.

Не шевелясь, я несколько минут полежала в кровати в ожидании. Потому что что-то должно было вернуться. Если не боль, то онемение. Я ждала, но ничего не случилось. Впервые за все это время я чувствовала себя отдохнувшей.

Я не верила, что это продлится долго. Я балансировала на скользком, опасном уступе, и нужно было совсем немного, чтобы столкнуть меня вниз. Опасен был сам взгляд на мою комнату внезапно прояснившимися глазами: я заметила, как странно она выглядела – слишком аккуратно, словно в ней вообще никто не жил.

Я прогнала эту мысль и, одеваясь, стала думать о том, что сегодня снова увижусь с Джейкобом. Эта перспектива подействовала на меня... обнадеживающе. Может, все выйдет так же, как вчера. Возможно, мне не придется напоминать себе через определенные промежутки времени проявлять интерес, кивать и улыбаться, как я вела себя с остальными. Возможно... но на это я тоже особо не рассчитывала. Не верила, что будет так же легко, как вчера. Я не собиралась настраиваться на разочарование.

За завтраком Чарли тоже вел себя осторожно. Он старался скрывать свое любопытство, уставившись в тарелку, пока

ему не показалось, что я на него не смотрю.

– И что ты сегодня собираешься делать? – спросил он, разглядывая ниточку на манжете с таким видом, словно мой ответ его не интересует.

– Хочу опять заехать к Джейкобу.

– Ага, – кивнул он, не поднимая глаз.

– Ты против? – Я сделала вид, что расстроилась. – Могу остаться...

Он метнул на меня взгляд, в котором читалась паника.

– Нет, нет! Поезжай. Ко мне все равно собирался Гарри, чтобы вместе посмотреть матч.

– Может, Гарри мог бы подвезти и Билли? – предложила я. Чем меньше свидетелей, тем лучше.

– Прекрасная мысль.

Я не знала точно, был ли матч лишь поводом, чтобы выставить меня из дома, но теперь Чарли выглядел достаточно возбужденным. Он направился к телефону, пока я натягивала дождевик. Я чувствовала себя не в своей тарелке с засунутой в карман куртки чековой книжкой. Я никогда раньше ею не пользовалась.

Дождь на улице лил, как из ведра. Мне пришлось ехать медленнее, чем хотелось: я почти ничего не видела дальше корпуса машины, но все же каким-то образом добралась до дома Джейкоба по полуразмытым дорогам. Не успела я выключить двигатель, как входная дверь распахнулась и подбежал Джейкоб с огромным черным зонтом. Он поднял его над

водительской дверью, пока я ее открывала.

– Звонил Чарли, сказал, что ты едешь, – объяснил Джейкоб, широко улыбаясь.

Безо всякого усилия, без осознанной команды мышцам губ на моем лице расплылась ответная улыбка. В горле забурлило странное тепло, несмотря на барабанившие по щекам ледяные капли дождя.

– Привет, Джейкоб.

– Классная идея пригласить Билли. – И он поднял руку, чтобы хлопнуть меня по ладони.

Мне для этого пришлось встать на цыпочки, и он засмеялся.

Через несколько минут появился Гарри, чтобы забрать Билли. Джейкоб показывал мне свою небольшую комнату, ожидая, пока нас оставят без присмотра.

– Так куда двинем, мистер Механик? – спросила я, как только за Билли закрылась дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.